

Виктор Девера
Храм любви

Книга первая. Надежда

С любовью к читателю...

Виктор Девера

**Храм любви. Книга
первая. Надежда**

«Издательские решения»

Девера В.

Храм любви. Книга первая. Надежда / В. Девера —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504003-9

Данное произведение является 5-томным романом необычных любовных историй, происходящих в разных жизненных условиях, с размышлениями о ее морали. Сюжет его составляет продюсерская попытка вывести молодую певицу на большую сцену с рекламой некого Храма любви. Однако любовная неверность и большие финансовые затраты приводят осуществление затеи к трагедии и невозможности ее реализации.

ISBN 978-5-00-504003-9

© Девера В.
© Издательские решения

Содержание

Читателям	7
Глава 1. Чечня	9
Глава 2. Встреча	37
Глава 3. Знакомство	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Храм любви Книга первая. Надежда

Виктор Девера

Корректор Венера Ахунова

Дизайнер обложки Наталья Орлова

© Виктор Девера, 2019

© Наталья Орлова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-4003-9 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-1957-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Русский любовно-пацифический роман с экстремально-фантастической эротикой.
Откровенно-забавное, познавательное чтение
духовного поиска и человеческой трагедии.*

Читателям

Доброго здоровья, дорогие мои читатели! Сделайте глубокий вдох. Наконец вы держите в своих руках необычную книгу размышлений – друга позитивного интимного и духовного утверждения. В ней говорится о возможности свободной любви, основанной на духовном союзе. Сколько вопросов, загадок, фантастических историй и проблем преподносит нам любовь!

Что же такое, в конце концов, любовь? На этот вопрос попытались ответить героини этой книги. Написана она для не глупого читателя, хоть и описывает банальный сюжет, построенный на любовном треугольнике с откровенной, а порой фантастической эротикой. Любовный конфликт развивается на основе описания жизни молодой девушки, пытающейся стать певицей. В этом стремлении ей старается помочь взрослый деловой мужчина, далекий от продюсерской деятельности. Влюбляясь в нее, он вкладывает все свои средства и силы, чтобы она достигла своей цели, а заодно и его дела, который он видел в построении Храма семьи-любви. Разочарование в чувствах приводит его к разорению и трагедии в жизни героев, к разрушению начатого дела.

Содержание книги не только включает описание необычных случаев и историй из нашей жизни, но и представляет попытку размышлений о том, о чем, как считают другие, в серьезной литературе говорить неприлично, при этом они предпочитают упускать многие моменты, полагая, что интим – это само собой разумеющееся явление, которое приходит по мере приобретения человеком жизненного опыта.

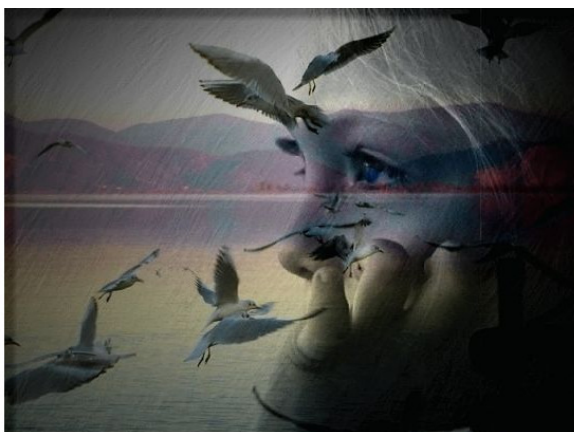
Может быть, серьезные люди из-за присутствия эротики данный роман читать не будут, но если они не ханжи, а эротика не вульгарна и на ее анализе сделаны размышления о серьезных вопросах любви, то пусть это будет его оправданием.

В книге представлены картины действительной жизни и серьезные раздумья о ней на ее разных социальных уровнях, и такой, какой хотелось бы ее видеть героям книги, которую они пытаются воспеть в своих стихах и песнях. Герои считают, что только любовь воскрешает поэзию отношений между мужчиной и женщиной как форму соединения человека с природой женского и мужского начала, как и духа Вселенной природы, этого мира, частичкой которой является человек.

Более того, роман на протяжении всех пяти книг является своеобразной специфической эпопеей жизни страны в девяностых годах прошлого века. Это стало сюжетной линией романа. На этом фоне они также думают о праве любовных свобод на основе некой единой мировой религии любви; считают, что она должна осуществить объединение мира в правовое общество любви, где право рассматривают как форму выражения общественной любви с возможностью исключения всех форм насилия.

Таким образом, в романе автор стремился гармонично скрестить любовь с политикой счастья отдельной личности и общества в целом. Пусть в книге не все бесспорно, но автор стремился показать жизнь чистыми руками совести и правды, рассчитывал, что в тени этого прекрасного древа мечты и действительности в согласии необходимости и святости люди разных народов и убеждений почувствуют счастье. Именно к этому своей жизнью и смертью призывают главные героини книги, бросая вызов устоям цивилизации и ее морали. Если хотите подумать вместе с автором, то возьмите эту книгу и не обращайтесь на фантастические сюжеты экстремальной иллюстрации эротики. Надеюсь, произведение будет интересно читателям разных взглядов. Несмотря на литературный экстрим рассуждений, сюжетов и стихов, роман имеет социальную пацифистскую направленность, и вы не пожалеете, что его приобрели.

С любовью к Вам, автор

Глава 1. Чечня

*Я с Храмом любви жизнь без войн повенчал,
земную любовь, как икону, воздал.
Будь слава жизни без войны.
Боготворите грех любви.*

– Фас! – скомандовал хозяин, подходя к дому.

Овчарка большими прыжками нагнала девчонку. Почувствовав опасность, девчонка остановилась и обернулась. Одной рукой прижимая к груди хлеб, она другой от страха судорожно крестилась. Поняв, что перед ней, в сущности, ребенок, собака не набросилась, а только в прыжке сбила ее лапами и, проскочив, выхватила хлеб. Выхваченный хлеб она тут же, рыча, стала грызть, так как и сама была голодна. Только после падения и грозного собачьего рыка девочка, сжавшись от страха, заплакала.

«Хлеб! Хлеб! Хлеб!» – стучало изнывающим стоном у нее в голове от постоянного недоедания. Хлеб у давно осиротевшей девочки был самой дорогой ее потерей, и даже боль от падения по сравнению с этой потерей ничего не значила. Она готова была сама броситься на собаку и загрызть ее.

Этот бесхозный кусок хлеба она подобрала на бампере грузовой машины. Машина в полуразбитом состоянии стояла у ворот дома, и теперь этот хлеб доедала собака.

– Хлеб! Хлеб! Хлеб! – казалось, вырывалось из пасти пса с его усердным урчанием и рычанием.

От страха девочке виделось, что это вовсе не собака, а огромный паровоз встал перед ней на дыбы и в прыжке наехал, а теперь с жадностью пыхтел: «Хлеб! Хлеб! Хлеб!»

– А, это ты, побирушка, – сказал хозяин, подходя к ней. – Ладно, вставай и уходи, и чтобы я тебя здесь больше не видел.

Девочка поднялась и, продолжая плакать, ушла. Придя к себе в будку неподалеку от реки, она легла на полуразбитый устеленный тряпьем железный топчан и уснула.

Проснулось она от грохота разрывов.

Недолет. Перелет. Снаряды со свистом ложились либо в воду, либо на другую сторону берега. Уже вторые сутки по мосту периодически стреляли, но снаряды по-прежнему его облетали, и мост как стоял, так и оставался невредим.

В это время к ней в будку зашли двое местных мальчишек лет около десяти. Они были почти одного возраста с ней и часто заходили в гости. На этот раз они принесли узелок с кусочками лепешек. Радуюсь обстрелу, как манне небесной, они выглядывали из полузарытой в землю железной будки. Следя за разрывами мин, они не пугались того, что это, может быть, летела и ухала их смерть. Если разрывы попадали в воду, они бегом садились на плот и, отталкиваясь чем-то похожим на шест, плыли по течению ниже разрывов. Оглушенная разрывами рыба почти без движения всплывала на поверхность, дрейфуя по течению, и надо было быстро ее выловить, чтобы она не успела прийти в себя и уплыть.

Мальчишки вылавливали ее и приносили Надюшке. Потом они вместе с ней ее чистили и варили возле будки в небольшом казане, установленном на глиняной печке. Такие дни для них были праздниками. Ощущение опасности притуплялось перед чувством голода настолько, что сама жизнь перед этим чувством ничего не стоила. Мне кажется, что если из миллиона возможностей была только одна возможность выжить, чувство голода все равно заставило бы идти их на риск.

Пренебрежение к страху усиливалось еще и тем, что оба мальчишки любили Надюшку, и они, соперничая меж собой, никак не хотели показать ей свою трусость.

Уже второй месяц в очередной раз у Надюшки не оставалось никого из близких и добрых знакомых. С каждой потерей она, как маленькая дворняжка, искала себе новых хозяев или сочувствующих и милостивых людей, которые помогли бы ей не умереть с голоду.

Родная русская ее мать погибла в родном городе при разгроме их зоомагазинчика. Место в центре города срочно понадобилось националистически настроенным рэкетирам.

Когда началась национальная вражда в Карабахе, они жили в Азербайджане, и отголоски этой вражды бедой обернулись для всех лиц некоренной нации.

Отец, армянин по национальности, в надежде на выживание срочно женился на вдове-азербайджанке с ребенком. Появление братика для нее было радостью, однако спокойствия в жизни это не дало. Через некоторое время они были вынуждены продать за гроши дом и, погрузив весь скарб на КамАЗ, с женой и двумя детьми уехать с насиженных мест в Россию. На грузовике он надеялся убежать от беды и спастись от разбушевавшегося в союзных республиках национализма.

В великом Союзе Советов все нации были перемешаны в единый народ, и никто не знал национальной вражды. Это государство придерживалось великой миссии интернационализма. Возложив на себя эту миссию, оно, как могло, возрождало национальную интеллигенцию во всех союзных республиках, обучая и протекционируя во власть людей даже порой с недостаточными деловыми интеллектуальными способностями в ущерб делу. Эти бездарности со временем вымыли талантливых специалистов. Лозунг «Кадры решают все» тихо-тихо заменили на лозунг «Опора на национальные кадры», и это отчасти стало причиной краха империи.

После ее распада в борьбе за власть алчная ограниченность стала делить страну и, в первую очередь, по национальностям. На основе сепаратизма некоторые люди надеялись разделить и урвать легко, быстро и много-много. Разделить же детей в интернациональных семьях было невозможно.

– За принадлежность семьи разным нациям могут убить там и там, – говорил ее отец.

Азербайджанцы стали ненавидеть армян. Армяне стали ненавидеть азербайджанцев. Кому-то это стало выгодным. Ни в той, ни в другой республике смешанным семьям жить было невозможно, и они, почувствовав недоброе отношение к себе, за русскими подались в Россию. Во всех бывших братских республиках нации, кроме коренных, стали притесняться.

Негласными законами национального протекционизма на ключевые позиции в культуре и власти другие национальности могли претендовать не более чем на процент, максимум три, и не больше от общего состава руководства.

Оправдать эту дискриминацию нельзя было даже процентным их представительством в общей численности населения, так как в некоторых республиках других наций было больше, чем коренного населения. Чтобы уменьшить их представительство и убрать с теплых мест, устраивались погромы, распространялись листовки с угрозами резни. Даже при организации своего дела они попадали под жесткий пресс со всех сторон, и коммерческая элита с государственным аппаратом стала в основном национальной.

В России было свободней, да и сами русские в ней были придавлены своей интернациональной идеологией. Прикрываясь ею и пороча национальное самосознание русофобией, к власти прорывались не преданные стране личности, а эгоисты. Интернациональные коммерсанты стремились только урвать у общества побольше, а набив свой карман, сбежать за границу или, по крайней мере, держать для гарантии там свой капитал, продолжая грабить недра страны и народ.

В развалившемся Союзе для защиты своих интересов эти представители общества старались создавать свою аристократию и идеологию. Интернациональный глобализм к этому вре-

мени стал угрожать не только слабеющей России, но и национальным интересам всех экономически слабых стран. Добродушный русский народ в основной своей массе был доверчивым и мастеровитым, а не торговым и властолюбивым. Обладая сильным сознанием государственности, он всегда защищал свое государство и надеялся, в свою очередь, на его защиту.

Развитие демократии резко ослабляло роль государства в социальной жизни людей. Свободная ниша легко заполнялась предприимчивыми переселенцами и прочими дельцами с диктатурой национально-кланового, интернационально-уголовного сознания. Это сознание антигосударственной стадности обеспечивалось экономической поддержкой этих кланов и страхом кары, религиозной и уголовной моралью.

Слабое коррупционное государство позволяло проходимцам разного толка добиваться определенных свобод и быстрого обогащения, пренебрегая его интересами. Честный доверчивый и законопослушный народ в основной массе жил надеждами, безнадежно считая, что государство его в беде все-таки не бросит.

На эту надежду и великодушие русского народа делал ставку отец, когда они уезжали. Даже если русские во избежание диссимилиации общества тоже когда-нибудь могли ввести политику национального протекционизма, то он со своей семьей психологически к этому был готов. Чтобы быть уверенным, что его семье гарантированы спокойствие и мир, он был готов полностью принять как родную, русскую культуру, а приобщившись к великой славе и чести этой нации, получить статус русского гражданина, даже если для этого пришлось бы умереть за честь этой страны.

Сначала, чтобы долго не ехать по Азербайджану, они хотели рвануть через Каспий на Казахстан. Однако с паромом получилась непредвиденная задержка в результате стечения обстоятельств. Большая задержка была не в их планах, и эта дорога не сложилась. Все предугадать не было дано.

Рок дернул отца поспешить, и по стечению обстоятельств они, рискнув, поехали через Чечню. В Чечне КамАЗ попал в аварию с нарочно подставленной местной машиной. Невинность доказывать было бесполезно. Местная мафия потребовала расчета. Денег отцу стало жалко, их было в обрез и только на обустройство на новом месте. Он еще некоторое время как-то пытался доказать свою невинность налетчикам, но наехавший на них люд оказался наглым до беспредела.

Не признающие никаких законов мерзавцы затащили машину в какой-то гараж, произвели шмон и, не найдя денег, закрыли. Ночевали в машине. Из кабины никто не выходил – боялись. Ночью отец решил скрытно вырваться.

Они уже были в пути, когда их нагнали. Угрожая, их пытались остановить, но отец не подчинился, стремясь дотянуть до границы. Осталось совсем немного. Каким-то образом им удалось поджечь убегающую от них машину. Они так и не доехали до России. Отец и приемный братик с матерью погибли, а Надежда прибилась к одинокой русской женщине. Женщина была художницей, хроменькой и глубоко религиозной бродячей монашкой. Надюшка переезжала вместе с ней из села в село, от церкви к церкви. Они продавали картины, рисовали жителей, пели во славу Бога: кому – во славу Христа, кому – во славу Аллаха, этим и жили. Однако и ее некоторое время назад арестовали и били националисты, обвинив в шпионаже. С тех пор девочка чувствовала себя совершенно одинокой, одичавшей, но чаще всего голодной.

Поселившись здесь, у моста, в полузарытой железной цистерне-будке, она спасалась от надвигающихся холодов. Это надежное строение было здесь брошенным с незапамятных времен, видимо, еще строителями, которые в свое время возводили мост.

Мальчишки из поселка хорошо знали ее. Она часто ходила по селу и, как цыганка, пела песни, развлекая бедный народ, просила милостыню. Из русскоязычного народа она осталась здесь теперь одна. Часто общаясь со старой одинокой чеченкой по имени Марьям и ночуя у нее, она порой помогала ей пасти скотину, но большее время проводила в этой цистерне,

играя с местной ребятней. Все русские были вытеснены национальным хамством и давно разъехались. Многие из них просто бросали свои дома. Теперь в них жили другие. В поселке без них стало как-то скучно и уныло. Надюшка иногда веселила сельчан, но никто из них ни разу не сжалился и не приютил ее, хотя все знали, что она не чистокровная русская, а метиска.

Даже бывшая школа села, которая тоже была некоторое время ей приютом, стала похожей на старый брошенный сарай. В ней уже давно никто не учился, а парты были растащены на дрова.

Большая вражда под флагом национализма за передел страны ножом прошла по семьям и сердцам людей. Поделить и перекроить землю тяжело, но еще тяжелее поделить совместно нажитых детей в перемешанной национальной державе. Караван этой вражды во имя ложной свободы и демократии, однако, отпустили. Он прошел по братским республикам и тысячи человеческих сердец в слезах и столах ужаса оставил на своем пути. Нельзя сказать, что это было только в России. Однако так остро, как Россия и Югославия, ни одна страна мира не переживала раздел.

Вот и эта судьба детей здесь, у моста, была следствием шествия по земле этого злополучного каравана демократии с беспределом национальных свобод.

БТР резко развернулся и затормозил у моста, съехал с дороги и укрылся в кустарнике. Группа солдат быстро высадилась и направилась на мост с целью проверки его на наличие мин. В это время снова загрохотали разрывы снарядов. Увидев поднимающийся дымок у деревьев напротив, двое военных осторожно подошли к огню и увидели детей.

– Вы, ребяташки, не бойтесь, что под разрывы попадете? – спросил один из них.

– А чего бояться? Кушать-то хочется, – и, подумав, тот, что постарше, добавил: — Да что нам – мы, чай, мужики, Надюшку накормить надо, приболела. Она в вагончике лежит.

– А она кем вам приходится? – опять спросил тот же военный и прошел к двери, чтобы войти в вагончик и посмотреть воочию, о ком идет речь.

В это время дверь открылась, и к солдату подошла очень симпатичная голубоглазая с черными, пышными, скрытыми под платком волосами девочка в розовой замусоленной курточке. Она была аристократически бледна и слегка смугла. Подобных ей русских детей после трехсотлетнего нашествия Мамаи и освоения Сибири, когда сибиряки брали в жены местных женщин, было множество. Сейчас она скорее напоминала бродяжку, но лицо ее выражало радость, видимо, от услышанных звуков чистой русской речи. Говорить на местном языке из-за его бедности и косности ей было сложно, не всегда хватало слов, чтобы выразить полностью то, что хотела.

– Хлеба, хлеба, дяденька, дайте, ради Христа! – просила она, крестясь и кланяясь, периодически прижимая ладошки на груди у подбородка, как мусульманка.

Эти религиозные движения напомнили ему как-то раз увиденную семью, где мать и отец были разных национальностей и могли общаться на разных языках. Маленькие же дети, слыша тот и другой язык, говорили на смешанном языке, выбирая слова из того и другого, которые им больше нравились или легче произносились, то же самое происходило с поступками. Тем самым в семье создавали свой своеобразный смешанный язык общения и поведения.

Вся страна в то время напоминала такую интернациональную семью. Сейчас ее спутанный религиозный обряд был из этого ряда явлений.

Военный, пораженный ее видом и удивленный странной набожностью, быстро развернулся и пошел в БТР. Через некоторое время принес две банки консервов и булку хлеба.

– Я вас очень-очень люблю, – сказала она, обнимая присевшего к ней офицера, прижимаясь к его щеке.

Девочка показала на удивление ласковой, доброй и доверчивой.

– Кем вы друг другу приходитеесь? Родственники али как? – спросил офицер.

– Мы семья. Его зовут Хаким, меня – Надя, а его – Анвар, – ответила девочка, показывая сначала на одного, потом на другого мальчика. – Они мне помогают. Мины падают в воду, и рыбы умирают, а ребята ее ловят, и потом мы из нее уху варим. Они меня любят, и я их тоже. Бог велел любить всех и помогать друг другу. Он и этому мосту помогает, иначе в него давно попали бы и разрушили. «Наш мост, – говорит бабуля Марьям, – это руки нашей прежней дружбы, а разрушишь – конец, нельзя».

Передав гостинец ребятам, она охотно продолжила разговор с офицером, как будто жажда этого общения мучила ее больше, чем постоянный голод, преследующий ее в последнее время.

Осторожно отломив от батона по кусочку, каждый из ребят, не сговариваясь, в первую очередь протянул их подруге. Она отблагодарила их, обняв и поцеловав в щечку одного и другого, потом от радости, жуя хлеб, стала танцевать что-то, отдаленно напоминающее восточный танец живота. Офицер с умилением смотрел на эту картину и думал: «Надо же, в этой одиночавшей и враждующей Чечне, где кругом только насилие и беспредел, жизнь может сохранять такие умиленные отношения детей и неопишемую радость от одного зачерствевшего батона хлеба. И танцует-то как, будто душа выпрыгивает из ее тела. Недаром говорят, что в танце человек разговаривает с Богом. Поступки, слова могут оказаться ложью, танец всегда требует оголения души и освобождения от горя или зла».

Он на мгновенье закрыл глаза, и ему показалось, что девочка танцует на каком-то поле среди разрывов снарядов и падающих с предсмертным воплем солдат. Освобождаясь от этого жутко видения, он снова открыл глаза и стал задавать ей какие-то вопросы.

С аппетитом поглощая хлеб, девчонка пританцовывала и с радостью отвечала на безобидные вопросы. Ребята были более замкнуты. Они вообще удалились и на костре у кустов по-деловому занимались варевом, которое называли ухой. В какое-то мгновение оглушительный разрыв бросил всех на землю, а на месте костра образовалась огромная яма.

Пасущийся рядом козел из стада истошно закричал: несколько осколков разорвали ему зад и выбили глаз. Он упал на бок и дергался в конвульсиях от боли. Выбитый глаз дергался на длинной жиле, мотающейся из стороны в сторону. Козел будто пытался убежать от наступившего его несчастья, но был парализован и только беспомощно дергался, испуская раздражающий душу крик. Кровь фонтаном брызгала и струилась по перебитым ногам.

Увидев окровавленного, бьющегося в предсмертных схватках козла, девочка от увиденного ужаса и его воплей тоже закричала и, впад в агонию, стала дергаться в конвульсиях. Военный на мгновенье растерялся, не понимая, то ли ее скрутило видение умирающего козла, то ли трупы мальчишек, лежащих в стороне. Наконец, он схватил кричащую от страха девочку и, чтобы она не видела этого ужаса, унес в будку. После выскочил с товарищами и лежащим неподалеку топором отрубил кричащему козлу голову. Кровь, брызнув, залила ему глаза, и он, присев, стал протирать их, так и не выпуская топора из рук. Тем временем трупы мальчишек тоже убрали с глаз ближе к бронемашине.

Через некоторое время после ответного огня наступило полное затишье.

Мужчина в военной форме, но без погон, так и не выбросив топор, зашел в вагончик. Сев рядом с девочкой, он, как бы успокаивая, стал гладить ее по голове. После некоторого молчания медленно, с каким-то раздумьем, отбросив топор, заговорил:

– Тысячи способов придумало человечество, чтобы устроить и лишит человека жизни, а чтобы дать ему жизнь, как был, так и остался только один способ – любить.

– А зачем вы воюете? – спросила, очнувшись, девочка человека в военной форме, который сидел рядом с ней.

Это был красивый, среднего роста мужчина, на вид лет за сорок с небольшим.

– Сложный вопрос ты задаешь, – поглаживая рукой ее по голове, ответил он, после некоторого размышления и все-таки решил объяснить: – Война – это продолжение политики борьбы за власть и мир. Политика – это продолжение экономики для наживы. Я так думаю, что война – это клиническое состояние больного сознания общества. Это как эпидемия аморальности, вроде чумы, которая порой охватывает человечество. Каждая война утверждает какой-то образ жизни, порядка, веры и свободы, но, скорее всего, кто-то с ее помощью хочет утвердить свой эгоизм величия, власти или ложного блага за счет другого.

Девочка как будто не понимала военного, и он, догадавшись, стал говорить проще:

– В быту многие люди тоже могут быть в постоянной войне с соседями, родителями детей, с управдомами и так далее. Мальчишки открывают огонь по воробьям из рогаток – это тоже война. Люди, не способные воевать, в этой жизни погибают или живут за счет и для тех, которые их защищают. Любая борьба за себя может стать войной, если незаконные и неприемлемые ее формы станут доступным орудием наживы и власти. Ну, вот как-то так, но все гораздо сложнее и порой совсем невозможно объяснить.

– Сложно и больно. Помню, папа говорил мне, что если бы люди не воевали и на танки, такие, как ваш, денег не тратили, то давно бы с небес манна сыпалась и все были бы богатыми. Нищих тоже не было бы, и из-за денег не воевали. Когда я вырасту и вдруг стану царицей, то на радость всем войну порешу, как она – жизнь козлу. Скажите, что нужно сделать, чтобы люди не убивали друг друга и не грешили этим злом?

– Это ты у Бога лучше спроси. Грешат, грешат люди, когда договариваться не могут, потому что нет единого интереса и дела, объединяющего всех, и на этом жизнь греха и стоит. Как от этого греха освободится, никто не знает. Хорошо, что пока есть право замаливать перед Богом свои грехи. Вот сейчас убитого козла в жертву ему отдадим, может, этот грех и простит.

– За одного козла Бог грехи не отпустит. Мне говорила моя вторая мама, что в жертву нужно нести не козлов, а грешные души людей. Без крови тогда можно было бы все делать! Богу кровь не нужна. Он учит людей любить, а не убивать. Козел безгрешен, его даже жалко. Можно же построить такой большой-большой общий храм, где души будут отделять от людей, как мясо от костей, в жертвы приносить, хоронить, а за покаяние другую душу дарить. У меня душа совсем больная и нужна совсем другая.

Военный усмехнулся, думая, что ей сказать, и, почесав затылок, наконец, перекрестившись, произнес:

– Молись – и Бог воздаст каждому жаждущему. Только всем нужно одному Богу молиться и желательно в один храм ходить.

– В любом храме читают заповедь: не убей, только почему люди разных вер и наций, поклоняясь и уча одному – любить, а не убивать, друг друга все равно убивают?

– Да, единого храма добрых людей и нации «не убей» пока нет, но когда-нибудь они все же будут, если люди станут хорошо просить этого у Бога. Пестовать и носить на руках пока приходится только победы, полученные через кипение, кровь и огонь.

– Говорят, что Бог на земле один.

– Бог любви к ближнему, как и любовь, для всех един, но беда в том, что не в каждом храме один и тот же его представитель. Неверных не считают ближними, а потому желают им смерти и не обещают любви. Такова глупость жизни.

– А мы тут с мальчишками уже построили храм, где будут учить воевать добром тех, кто очень хочет воевать.

– Да! – с ухмылкой удивился военный. – Это что же такое? – и проявил полусерьезную заинтересованность.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что мост, по ее убеждению, не разрушился лишь только потому, что там, под мостом, на берегу, они построили большой сказочный храм доброго мира и назвали его Храмом любви. Храм для тех, кто на его алтарь готов приносить только

добро и любовь, а не кровь и войну. Вот снаряды его и облетают: зло боится любви. Военный эту фантастическую легенду принял с иронией, но она ему чем-то понравилась.

– Хорошо было бы, кабы это было так. Если бы зло боялось и умирало от добра – это было бы прекрасно. Представляешь, все сеют добро, и зло умирает, но где судья, принуждающий грешников за каждое содеянное зло расплачиваться добром и что считать злым грехом? Сеющие грех миряне часто считают себя судьями и, вознося кару свою, считают ее добром. У каждого получается свое добро и правда. Этот эгоистичный мир просит любить других, а построен на любви только к себе. Через беду ближнего соплеменника он порой пытается добиваться любви к себе, и этим творится зло. Воевать добром пока не умеет никто.

Представляешь, прилетел бы снаряд добра, взорвался – и все стали враз счастливы. Все любят друг друга, и рождается от этого много добрых людей власти. Однако добрых снарядов любви нет, и сегодня добро – пока лишь жертва, которая власти дать не может, а очень жаль, что не так.

Люди пока способны взять власть только через страх и наши снаряды – это то зло, которое и дает эту власть. Эгоисты любят свою власть силы и покорности себе. Ею они добиваются даже любви. Построить храм, где люди могли бы воевать или соревноваться добром, чтобы получить власть и делать большее добро – это, конечно, прекрасно, благородно, но пока немыслимо и невозможно даже в кино. Религии и веры для такого храма в мире тоже пока нет. Этой власти религия ее жертвенности не нужна, ей нужна жертвенность ей подданных. Хотя, – продолжал рассуждать он, больше объясняя, наверно, уже не девочке, а сам себе, – мир, так или иначе, стремится к красоте, а красота без доброты и жертвенности тоже не существует. Так или иначе, он должен научиться властвовать через добро, а не через зло. Ну что ж, – уже отвлекаясь от своих мыслей, обратился он к ней, – будем считать, что ты по-своему права, и вы, наверно, сделали хорошее дело, если действительно построили где-то Храм любви. Любовь всегда была высшей формой и красоты, и добра, и самым дорогим, что есть на земле. Поэтому и религия любви, и храмы любви наподобие твоего, может быть, когда-нибудь и будут существовать как часть индустрии создания доброго мира и сотворенья совершенного человека.

Из любопытства и доброго чувства, чтобы не расстраивать девочку, он решил сходить посмотреть на то, о чем она с неопишуемой детской радостью ему рассказала.

Это странное строение из-за большой ограды скорее напоминало крепость, по углам которой были сотворены возвышенности, напоминающие минареты со сказочным кораблем посередине. На палубе корабля находилась пирамида с множеством ходов и выходов. Над пирамидой возвышался купол из чугунного горшка, напоминающий купол христианской церкви со звездой на кресте, похоже, найденной где-то на кладбище на могиле времен социализма.

Все это было вылеплено из добротной глины и песка, чего предостаточно находилась под мостом на берегу реки. Кругом весь забор и пирамида были утыканы засохшими полевыми цветами и какими-то искусственными голубыми цветами, похожими на розы, сделанные вручную или собранные с могил. Это сказочное сооружение было выкрашено известкой с синькой, что придавало строению голубой оттенок несбыточной мечты. Трудно было представить, что все это сделали полуголодные дети.

Когда она, заметив его удивление, подошла к нему и они стали вплотную разглядывать это произведение, из домика неловко, с трудом оторвавшись от земли, вылетела неизвестная птица и, странно прокричав, полетела вдоль реки.

– Ну, вот и живая душа в вашем храме поселилась. Подранок видимо, – сказал Арабес – так он назвал себя, когдазнакомился с Надюшкой.

На вопрос: «Откуда ты с ребятами взяла такую фантастическую конструкцию?» – она рассказала, что они ее вылепили по картинке, которая была нарисована ее второй мамой – так она называла хроменькую женщину-художницу, с которой какое-то время жила до знакомства с Марьям.

– Это наш Храм надежд для мирной жизни от коварных небес. Сюда по ночам приходят убиенные бедой зла души и молятся за людей о мире. Они выходят из воды в виде русалок и других духов. Когда люди умирают, их души очищаются от зла и превращаются в птиц и другую красоту. Эти души, как птице-люди возвращаются к нам ангелами-спасителями. Иногда они поют песни любви, чтобы нам не было скучно и зло от этого в голову не лезло. В нем могут молиться и христиане, и мусульмане, и другие верующие. У убиенных же душ наций нет. Это Храм духов, здесь мертвые учат живых дружить и любить друг друга, чтоб ваххабиты не стреляли в христиан, и христиане не стреляли в них, и у детей не убивали родителей.

Военный муж, серьезно осмотрев все и удивленный этим, спросил:

– А звезда на кресте что значит?

Она пожала плечами.

– Это как звезда добра. Вот на погонах солдат, чем больше звезд, тем больше, наверно, они добра сотворили. Я бы всем святым звезды выдавала. Звезды должны умершим душам жизни возвращать и на каждый храм их вешать от добрых дел. При каждом храме должна быть аллея героев добра и книга добрых свершений. Сделал запись в такой летописи, посиди на аллее в тени энергии их добра и станешь лучше. Пожал руку герою добра, значит, энергию добра получил и сам добрым стал, и жизнь себе продлил, и какую-то добрую душу оживил. Может быть, я тогда и маму с папой оживила бы. Все бы стремились к добру и кланялись бы ему.

– Ну, ты прямо нарисовала мне мир добра с его диктатурой. Похоже, что мышь родила гору. Только оживить добром ныне никого нельзя. Пусть пока она будет звездой надежды добра. Согласна? Тебя тоже Надеждой зовут, вот и будет твоим символом. Да и весь этот ваш храм – действительно, голубая надежда, и воистину храм мечты по праву твоих голубях роз и грез. Розы тоже олицетворяют надежды жизни. Надежды желанные убить невозможно, поэтому соглашусь с тобой, что это олицетворение мечты спасает этот мост.

Она, соглашаясь с ним, кивнула головой, а он подумал о своем. Звезда ему напомнила об Афганистане, о его интернациональной миссии и, по сути, являлась для него эмблемой интернационализма, отражающей суть Советской армии.

Уже смеркалось. Они вернулись к будке. В ней сидели в раздумье военные и о чем-то между собой вели разговор. Наконец, один из них на вопрос Надюшки: «Где мои друзья?» – сказал:

– Надюшка, твой вагончик как нельзя лучше подходит нам под блиндаж для отдыха, мы вынуждены здесь заночевать, но всем нам с твоими друзьями здесь будет очень тесно и опасно. Поэтому ты завтра с этим дядей, который сейчас гулял с тобой, поедешь в Москву, – он показал на Арабеса. – Друзей твоих мы уже отправили по домам, их слегка задело осколками снарядов. Можешь не волноваться – все будет хорошо. Остаться здесь тебе тоже очень опасно – могут нечаянно и убить. И на улицу пока постарайся не выходить. Посиди с нами, мы тебе сейчас и песенки свои споем.

Пока местные с воплями забирали трупы детей, Арабес, чтобы она ничего не слышала с улицы, пел ей песни. Они были разные, но одну из них она запомнила. Это была песня:

Таран вражды,
На таран, на таран, на таран.
Под Моздоком идет капитан,
За единство огромной страны,
Чтобы не видели люди вражды.
За единство в веках на любви!
И понимание жить без войны?
От насилья дрожит правды танковый щит,

И броня от раздора и злобы горит.
Но танк идет, идет вперед,
На таран, на таран, наше горе берет.
Горит, горит, но все идет
И в плен безумства не пойдет.
Мы могильщики ада и мира друзья.
Мы солдаты единства и смертники зла.
За единство и братство народов страны!
Чтобы жизнь расцвела, как под небом цветы.
На таран, на таран! Мы готовы к пике,
Чтобы точку поставить безумству везде.
Огонь, огонь, огонь и броня.
Защити Россию, русская душа.
Клин на клин, выбиваем мы зло,
Кровь безумства карает проклятьем добро,
Чтобы жизнь продолжалась и счастья цветы,
Зализали бы раны единства страны.
Пусть подарит страна нам любовь
И любовью прославит наш род.
Пусть геройские подвиги наши хранит,
Пусть на каждом мундире награда горит.
Чтоб над миром вражды рай любви сотворить,
Мы таран свой готовы везде повторить.
За победу, победу в безумстве вражды,
Мы идем на таран за единство земли!
Не забывали б нас порой
И чтили памятью святой.

От доброго отношения и таких песен она немного повеселела, и хворь как будто куда-то ушла. Лечебным бальзамом на ее подействовала и мысль, что завтра она поедет в Москву и навсегда расстанется с этой жестокой для нее землей по прозвищу Чечня.

Вояки, общаясь с ней, отметили у нее феноменальную память, она в точности, почти наизусть могла рассказывать сказки и разные страшные истории. Кроме того, тоже пела на свои стишки незамысловатые песенки. Арабес с участием подыгрывал ей на солдатской гитаре и со свойственной ему склонностью к импровизации добавлял что-нибудь свое.

Так и не дослушав его песен до конца и не выяснив, что в действительности случилось от разрывов, она уснула.

Решив отправить ее в сопровождении Арабеса в Москву, они просили сообщить, в какой детский дом он ее сдаст.

Утром следующего дня военные провели операцию по обмену двух пленных чеченских боевиков на одного своего, находившегося у них в плену. Его звали Рушави. Он был Арабесу как сын. Ради его освобождения он приехал к своим полковым друзьям – побратимам по Афгану, хотя сам после Афганистана по ранению вышел в отставку и, как говорится, свою доблесть давно и с честью стране отдал.

Полдня они втроем добирались до комендатуры, и девочка тихо сидела с ними рядом. После комендатуры Рушави на некоторое время оставили в больнице. Добираться до Москвы уже самостоятельно поездом он решил позже.

В это время ни Арабесу, ни освобожденному из плена Рушави не могло присниться даже в кошмарном сне, что эта красивая, как куколка, девочка, в лохмотьях похожая на гадкого

грязного утенка, через несколько лет превратится в прекрасного лебедя. Как русалка, увлекающая в пучину страсти моряков, проплывающих мимо берегов Древней Анталии, она станет роковой и любимой женщиной для них обоих.

На следующий день она ехала уже в лучшем купейном вагоне, следовавшем на Москву. Ей было немного грустно, и она стеснялась непривычной обстановки купейного вагона. Робко сидя в своей затертой голубой кофточке у окошка, она бережно придерживала свой узелок, где лежали вещи, и о чем-то думала.

– Мы, когда приедем в Москву, я обязательно схожу в мавзолей к Ленину, – так неожиданно, в полузадумчивом состоянии, заговорила она. – Дедушка Ленин, он был такой хороший, такой добрый. Так нам говорили. Его все любили и вдруг ныне стали почему-то ненавидеть.

– Ты с чего вдруг вспомнила о нем, – спросил он ее.

– В том поселке, где я жила, возле школы стоял памятник ему. Дети, люди к нему ходили и цветы приносили, мира просили. Когда его все любили, мы жили мирно. Однажды мы пришли к памятнику, а ему кто-то руку отрубил. Говорили: «Не туда показывал». В следующий раз пришли и видим: он уже без головы. Какой-то лихой всадник все скакал вокруг него и, негодуя, свою доблесть проявлял. Всех тогда это только занимало.

Когда его с постамента свалили, мы голову и руку ему обратно приставили. Нас тогда чуть не побили. Был бы он живой, может быть, люди так же мирно жили, как и раньше. Его надо воскресить.

Арабес усмехнулся ее рассуждениям и вышел покурить. Отсутствовал он долго. Когда он вернулся, она просила своего попутчика надолго ее больше не оставлять и каждую его отлучку переживала, как трагедию. В эти моменты она брала из своего узелка игрушку и, играя, разговаривала с ней, как с живым существом, отдаваясь каким-то воспоминаниям. Когда попутчик находился с ней, она убирала игрушку на прежнее место, в свой узелок. Эта деревянная игрушка на подставке привлекла внимание Арабеса. Русалочка, сросшаяся своим хвостом с хвостом дельфина, выполняла одно простое движение. Если дергать за ниточку снизу игрушки, дельфин и русалочка поднимали навстречу друг другу руки, как бы даря один – цветы, другая – сердце.

– Забавно, оригинально и даже символично, – заметил он.

– Эту игрушку сделал и подарил мне еще папа, – объясняла она. – Дельфины – говорил он – это, наверно, родители людей, которые от ужаса содеянного спрятались в море.

– Интересно-интересно, – усмехнувшись, заметил он. – Возможно, этой игрушкой он хотел сказать, что человечество – это следствие после потопного греха обезьяны с дельфином на горе Арарат. Несчастное подобие человека из-за этого греха потеряло ноги и приобрело хвост, чтобы выжить в воде. Больше он тебе ничего не рассказывал?

Она застеснялась и, как бы выходя из неудобного состояния, продолжила:

– А вот картина, о которой я вам рассказывала, – она вытащила из целлофанового свертка картину, написанную маслом.

Посмотрев игрушку, он с разрешения развернул и ее, потом долго всматривался, разглядывая изображение.

Надюшка объясняла, что это картина ее второй мамы, и это все, что осталось в память от нее и отца.

На этой картинке был изображен корабль наподобие Ноева ковчега, который поднимали человеческие руки, вырывающиеся из реки над облаками и горами. Алые паруса, словно крылья «Летучего голландца», гордо поднимали его величественный образ аллегорией мечты Грина и легенды потопа.

– Она хотела, чтобы на земле был такой Храм любви, ну как ковчег религий для разных вер и обрядов.

– Вы его с ребятами там, у моста, почти таким и построили, ничуть не хуже. Мне он очень понравился, и хочется, чтобы кто-нибудь об этом мог рассказать всем, – сказал он и задумался.

После он что-то писал, а Надюшка молча смотрела на него. Закончив писать, он просмотрел написанный текст, усмехнулся и, смяв листок, вышел. Листок смятым остался лежать у окна.

Она взяла листок и развернула его. Сначала долго читала, разбирая корявый почерк, а потом потихоньку запела:

ХРАМ ЛЮБВИ

Камень на камень, кирпич на кирпич,
Горе людей – разобщение, как бич.
В промысле дьявола счастье, как дичь,
И от отчаянья слышится клич.
Помогите любви на Земле, помогите!!!
Во спасение божественный дух призовите!
В чем на Земле есть спасенье любви?
Что привнесет в него ценность семьи?
Чтобы детского горя не видеть вовек,
Храм всеобщей любви сотвори, человек.
В век же любви всем идти призывай,
С Храма любви, к нему путь открывай.
Камень на камень, кирпич на кирпич.
Выстроим Храм – хочу бросить я клич.
Выстроим Храм, как надеждам ковчег.
Встань на колени к любви, человек,
Чтобы не видеть насилия вовек.
Скинемся, скинемся миром людским,
Сбросим по рублику, Храм водрузим.
Ляжет пред Храмом костями вражда,
Парус надежд пусть получают сердца.
Будем молиться ему, будто чуду,
Я и молитву надежд раздобуду.
Кровь на планете, и трудно дышать.
Алчность наживы зовет убивать.
Кровь мы отмолим лишь в Храме любви.
Веру б в слиянье с природой найти.
Камень на камень, сердца на сердца,
Будьте подспорьем с небес чудеса.
В сводах сольется с природой душа,
Мира детей и народов судьба.
Мы пригласим совершенство небес
Для поклонения наших сердец.
Выстроим, выстроим Храм для любви,
Жить на планете лучше с верой семьи.
Станет приютом Храм наших сердец,
Всех соберет в мир семьи под венец.
Камень на камень, кирпич на кирпич,

«Выстроим Храм», – я бросаю всем клич.
Выстроим Храм для любви и семьи.
Веру семьи в нем нам, Бог, сотвори.
Мир, как семья и природы душа,
С единой заботой на все времена.
В гонг пригласим совершенство небес,
Духом семьи сотворим Храм сердец.

– Интересные слова, кажется, может получиться песенка, – сказала она, когда он зашел.

– Да это так, мое баловство, – ответил он. – Я иногда так расслабляюсь, скорее, от скуки, для себя. Вряд ли споешь, даже под гитару не получилось, но вот ты как будто их пропела и уж как-то сильно меня задела. Твоя недетская затея с храмом – тоже. Если нравится, возьми. Голосок у тебя неплохой. Приедешь в Москву и там, в детском доме, убедишь других ребят, а уже когда станете взрослыми, возможно, постройте настоящий Храм любви. Я даже готов шефство над затеей взять и чем смогу, помогу.

Упоминание о детском доме оказалось роковой ошибкой. Привыкшая за время бродяжничества к свободе, она не могла смириться с любым ограничением этих свобод, как бы они плохи ни были. Наверно, многие знают, как в семьях пугают детей, что отдадут в детский дом, если они проявят непослушание. Видимо, именно такое понимание имело место в ее жизни. Она, услышав о детском доме, заплакала, и нежность, с которой она до этого относилась к сопровождающему, моментально исчезла.

Уже в Москве, выйдя из вагона, она, выбрав момент, когда он отвлекся, сбежала. По его просьбе милиция ее вскоре поймала.

Он зашел в отделение, когда дюжий милиционер через двери буквально затаскивал ее в отделение. Видно, он сильно сжал ее руку. Она всхлипнула и укусила его за руку. Высвободив так свою, бросилась бежать.

Развернувшись, милиционер со всей силы пнул вдогонку ее под зад. Она упала и еще больше заплакала от боли, а точнее, закричала. Узелок с ее вещами полетел по полу. Ее картина Храма вылетела из него. Милиционер неловко наступил на нее и, слегка потеряв равновесие, прыгнул ей на попку, прижал ее, как дрянного котенка, ногой к земле, чтобы не убежала. Арабес не выдержал этого хамства и, подскочив к милиционеру, ударил его. На него налетели другие. Пока они дрались, Надюшка скрылась, и больше ее никто не видел.

Скрутив под угрозой пистолета руки и надев наручники, на него завели уголовное дело. Вместе с его вещами рядом с ним лежала и подобранная с пола помятая картина с изображением ее Храма любви. Все остальное Надюшка, видимо, успела подобрать и унести с собой.

– Вот так всегда ломают жизни, красивые мечты, помыслы, а с этим и светлые чувства детей, бросая их под пресс уголовщины, – сказал он милиционеру. – Девчонка-то была чудо, хоть и сирота. Пройдя через горе и страдания, она лелеяла красивую мечту, которую не смогла убить даже война людской вражды. Обидно за власть. В одно мгновение вы своим хамством можете убить все человеческое. Обидно.

Через некоторое время его выпустили, и милиционер извинился перед ним.

– Вы бы лучше извинились перед той девочкой. Нашли или нет ее? – спросил Арабес.

– Нет.

– Неизвестно, к каким последствиям в ее судьбе приведет это безобразие, – сказал он и подумал: «Ох, не к добру это. Никакие извинения уже не воскресят те светлые и чистые мечты о Храме любви, которые жили в этой юной душе. Надеяться буду, что, живя постоянно в преследующим ее по жизни зле, с созерцанием разрушений и боли, она в душе выработала иммунитет спасения, как своего Храма мечты. Все было бы спокойней на душе, если бы новая череда событий не грозила ей возможностью озлобления на весь мир. Ведь так и может полу-

читься, как она и говорила, только, похоже, душу ей уже заменят и без Храма, в котором она пыталась эти души лечить». В глубине души он надеялся, что в девчонке живет сильный дух, и он поможет сохранить ей ее чистую душу и мечту о своем Храме.

Как сообщить друзьям в Чечню, что он ее не довез, тоже не знал. Оправдываться не хотелось. Взял у милиционера картину Храма и шел домой.

В тот же день зашел в церковь и поставил свечку во спасение ее души. Он не понимал себя, почему он проникся к этой девочке каким-то щемящим сердце чувством. Это чувство не было похоже на отцовское беспокойство, а скорее, было общим состраданием. Оно было чем-то большим, как будто частью его самого, отрезанного пережитой судьбой, и вдруг стало ноющей раной взбудораженной усопшей души от утраченной где-то и какой-то мечты. Чтобы облегчить давящую сердце тяжесть, молясь перед иконой Божьей матери, просил дать этой девочке в жизни ангела-спасителя.

– Пусть она окажется в каком-нибудь церковном приходе. Дай ей силы и веры в тебя, Господи, и я надеюсь на твое чудо, – шептал, крестясь, он. – Воспитываясь в Храме, она спасет душу, и, по крайней мере, умереть с голоду там не дадут.

В течение нескольких месяцев после этого его не покидали размышления о девочке и ее судьбе. Некоторое время он постоянно интересовался в милиции результатами розыска, но все было тщетным. Милиции дел хватало и без этого. После тяжести бытовых забот этот случай потихоньку вроде бы стал забываться, но уж больно сильно задела его идея Храма любви, которой она взбудоражила его сердце. Эта идея Храма заполняла вакуум его воинской борьбы и миропонимания о смысле жизни.

Как истинно русского разрывает страсть любви к истине, так и его сознание охватил этот далекий луч света, вырвавшись монстром озарения из его дремлющих недр души. Он, требуя от него некой-то значимости, схватил его мертвой хваткой за душу. Удавка его была сильнее любви к женщине, да и, наверно, к красоте жизни, которую до этого он видел в благополучии.

Огонь истины во все времена призывал лучших представителей общества, не раздумывая, отдавать жизнь за нее. Женщина или истина, революция или любовь – что требует большей жертвы от мужчины, что оправдывает его жизнь и смерть? Этот извечный вопрос истории перед ним не стоял. Настоящая любовь к женщине для него могла быть или не быть, и в этом он уповал на Бога, но жить не по лжи, а значит, следовать закону и зову природы для него было истиной в первой инстанции. Жить не по лжи самому себе, так, чтобы его мелкое «хочу, хочу, хочу» не втаптывало в грязь его совесть.

Единственной дилеммой для него был выбор между совестью или любовью, и где истина тут, он не знал. Совесть – это всегда догматическая прививка общественного сознания, а любовь – зов внутренней его природы как протест военному насилию одного над другим. «Если совесть – это божий зов, а любовь – это Бог, то что первично?» – этот вопрос задавал он своему внутреннему голосу и ответа не слышал.

Храм любви, который он стал сравнивать с горой, которую родила маленькая мышка мечты из Чечни, отныне по преследующим его размышлениям и понятиям должен был разрешать эту проблему. Он своей интернациональной прививкой должен был призвать себя и людей к поклонению свободе любви без чувства греховности, чтобы все люди были от нее счастливы всегда, сохраняя свою совесть незапятнанной грехом страсти и сознанием порочности. Как творить чудо любви, не попирая совесть? Наверно, через музыку чувств, религиозным инстинктом веры? «Последнее было бы правильно», – говорил он себе и снова касался веры, как совести.

Он где-то читал, что ныне наука может одним внушать страх и ненависть, другим – любовь и уважение даже при душевной пустоте и отсутствии действительных дел и соответствующих качеств у людей. Эту науку взяли на вооружение политики. «Почему, – думал он, – эту науку нельзя взять для сотворения любви между людьми? Если человек выбрал объект

любви, а этот объект не отвечает ему взаимностью, то при использовании достижений этой науки на какое-то время можно даже отвращение превратить в любовь и взаимность. Сколько трагедий личного характера можно было бы избежать?»

Размышляя так, он верил, что создание ощущения любви и на самое малое время – это создание прекрасного в отношениях людей и ощущения счастья в обществе. О такой возможности уже в планируемом им Храме он мог только мечтать. Фантазируя, не шутя, далее он стал считать, что этим можно сотворить и прекрасное общество любви для некоего всеобщего счастья.

Формула счастья человечества стала заключаться для него в том, чтобы соединить в Храме природу человеческой страсти с условиями жизни прихожан и их правами как возможность исполнения желаний без оглядки на светскую и религиозную мораль. Однако он понимал, что только в правильном сознании могут возникать правильные желания, и эти желания он стал примерять на себе. «Заставить пьяный контрабас признаваться в любви порочной скрипке хоть и можно, но насколько? Пусть даже если так, то порой и согласованные, даже на мгновения, любовные отношения достаточны для ощущения рассветного счастья, – убеждал он себя, – и это лучше, чем война и насилие». Так как физическая природа у каждого была своя, то он склонялся к мысли, что и мораль у каждого могла быть своя. Именно соответствующая физиологии человека мораль должна была быть условием разделенного и согласованного счастья с окружающими его людьми. Если принуждение к миру достигается жестоким огнем батарей, то почему принуждение к любви внушением не может быть правом свободного мира любви? Создать обман и получить счастье хоть на время – уже прогресс и шаг от насилия. Для этого готов был создать шкалу романтической любви и ангелов любовной воли с правами принуждения к романтике любви. Это хоть и грех, но во имя добра. «А как возбуждать истинные чувства? Здесь даже наука не поможет», – почесывая ухо, говорил он сам себе.

В этих размышлениях он однажды сел и сочинил песню о своих раздумьях. На одной из бардовских вечеринок он ее спел:

Мир больной на всю голову: то насилие, то кровь.
И когда же научится сеять только любовь?
Что же нужно для разума: просвещение или кнут,
Чтобы выбить паршивого и умней стать чуть-чуть?
Только слова разумного он не ставит и в грош,
Управлять лишь любовью он никак не готов.
Не хватает над властью и контроля богов.
Где же истина с неба? Я в раздумье жрецов.
Поиск истин, похоже, неподвластен и мне,
Но вот вроде прозрение, и опять по земле
Свет разумного только мерцает во мгле.
И распятие готовится все на том же кресте.
Безутешно сознание ждет прозрения земле.
Размышляю над истиной, и сомненья везде.
Как над бездною тешусь, дна не вижу нигде.
Без страховки иду, размышляю себе,
Будто с истиной бездны играю во тьме.
Ты не сватай мне, дьявол, думы за грехи,
Ведь святые мысли в бездну не снести.
Вот их пускаю пулями, чтобы пасть не смогли,
Тогда и подстраховки были б не нужны.
Думы мои, думы, к истине гонцы,

Не кланяйтесь сомнениям, бездны Сатаны.
Кто умножает раздумья, тот убивает и скорбь,
Говорю над пропастью, а сомненья как боль.
Ведь канат над бездною у святой души.
Эх, ангелы раздумий, хранители мои,
Дайте права людям в образах любви,
Чтоб они страховкой над бездною лжи легли
Иль волшебной палочкой бездну разнесли.
Мир не будет корчиться от страха на крови.

Песня многим понравилась. Впоследствии он ее неоднократно исполнял: то на Цветном бульваре, то в каком-нибудь кафе и в прочих заведениях, включая библиотеки. Каждый раз, возвращаясь к себе домой, он продолжал размышлять. Эти мысли размышлений он даже стал записывать, чтоб привести к какой-то системе убеждений и вернуться к ним в общении. Они держали его мертвой хваткой сомнений за глотку сознания, то сжимались, то снова расслаблялись, будто неведомая сила играла с ним, его воображением и судьбой. Порой его охватывал некий необъяснимый драйв поразмышлять о любви, будто пытался выжать из них лечебную росу для исцеления болячек своей души. Он, как спортивная лошадь, сорвавшаяся со старта, не мог сойти с этой дистанции, и самолюбие хлестало, как плеткой, в погоню за пущенной какой-то девчонкой стрелой любви и мира. Иногда в размышлениях он спорил с собой, чтобы найти непоколебимое обоснование своих намерений.

«Неужто нужно учить управлять природой духа любви? – спрашивал он себя в этих размышлениях и сам отвечал: – Такое во имя ощущения счастья можно приобрести только через право на красоту, которое, как дар чистого кислорода для огня страсти, каждый может заслужить какой-то жертвенностью. Любая жертвенность – поле счастья, и тут может образоваться право даже коммерческой свободы. В этом может жить и свобода таких, как я, – убеждал он себя. – Это право соединения со своей природой через собственное выражение должно идти только через любовь». С этим пониманием он все больше соглашался и мысленно считал ее высшей формой соединения с природой. «Она, возбуждая гармонию, безусловно, рождает взаимную любовь и право на соединение и слияние. Только на это уже не мозги влияют, а быть может, некое божественное внушение».

«Тут могут помочь и маги внушения, – неожиданно решал он и уже с усмешкой над своими размышлениями иронизировал: – Творить какую-то магическую любовь с гарантией или нет – это кажется абсурдом. Тут можно дойти до сотворения не только любви, но и нужного человека. А надо?» – опять спрашивал он себя.

Однако далее, уже более серьезно размышляя, он соглашался, что выражение своей природы духа – это творчество. Любое же творчество опять стимулируется любовью, как вдохновением, и все опять замыкалось на любви. «Вот если бы творчество по созиданию красоты как формы совершенства души стало условием значимости и бессмертия личности с правом свободы в любви, то этому нужна была бы соответствующая мораль». Это убеждение требовало других условий жизни. Однако таковой морали без осуждения не видел и связываться с критикой существующей не желал, но мысли к ней возвращали. Так, в поисках компромисса, стал таять в своих мыслях, как сахар в горячем чае. «Храм любви, какой же цели он должен служить?» – спрашивал он себя.

«Интересно я рассуждаю, – повторял он сам себе в такие моменты. – Только чтобы не промахнуться, нужно ставить большие цели. Если ты был и ныне считаешь себя элитным солдатом, то можно пойти ва-банк, как в атаку, даже если эти мысли и дела могут принять за бред», – утверждал уже его сознанию его же голос сомнения. После этого он опять погружался в раздумья: «Нет, этот мир построен неправильно. Если цель Храма – поставить про-

явление и стяжание не всеобщей любви людей, как в существующих религиях, а нацелить на решение проблем межполового общения и с этим всех приближать к Богу, то с этим можно прийти к всеобщему счастью. Значит, – продолжал убеждать он сам себя, – необходимо какое-то моральное мерило совести, сдерживающей поступки людей от перерастания их в негатив. Наверно, моральный суд совести был бы уместен, – пытался предполагать он. – Участие в таком процессе и сотворение его должно быть истинным смыслом развития затеи для царства счастья».

Продолжая думать так, он надеялся, что в этом есть часть истины. Естественно задумывался, а почему она не может пробиться и из Храма любви, родником, утоляющим жажду счастья не только каждого отдельного человека. А если это так, то с этим несложно привести всех к единому братству человечества как празднику жизни.

Тут он, как бывший военный, будто чувствуя абсурдность страшной войны, был уверен, что в нынешних условиях нужно не силой силушку брать, так как так только черный флаг смерти над ним можно поднять. В этой парадигме действительности для него только Империя любви с соответствующей религией могла бы привести мир к капитуляции изнутри и без войны. Под этим он хотел видеть копьё для мировой глупости и потому обдумывал свой последний интернациональный поход с атакой и взломом заблуждений в сознании мира.

Для этого ему нужно было еще думать и думать на всякий случай и очень обоснованно. Подготавливая логику этого обоснования, он взламывал свое сознание необычными, но, казалось бы, логичными мыслями.

Эти мысли вновь и вновь крутились вокруг любви, как земля вокруг солнца. Непонятно, почему он считал, что соединение с природой своей души, как и с природой души возлюбленного, есть природная жажда человеческого счастья, пытался доказать себе, что вне этого слияния любовь и мир любви существовать не может. Так он будто успокаивал свою душу тем, что своей затеей может принести новый свет в понятие нравственности, как Прометей – свободу человечеству в пространстве быта.

В обосновании этой цели он, повторяясь в мыслях, старался убеждать себя, подготавливая к этому свое сознание и дух, как будто искал своею неоспоримую позицию жизни. Этой позицией пытался оправдать некую необычность своих поступков. Однако чтобы не выглядеть каркающей белой вороной, все свои мысли старался больше держать в себе.

В конце концов, он, как бывший военный и человек творческого склада, но вынужденно занимающийся коммерцией, в ходе своих утверждений и сомнений понял, что идея реально может жить. Для общего спокойствия лучше, чтобы она была не под раздражающим обыденное сознание флагом: «Ох, недаром я под прессом, ведь идея кверху мехом! – молвил он себе. – Ведь и с комариным писком можно и о себе заявить, да и нехило прожить. Хорошая идея должна не только величие дарить, но и накормить, и не одного себя хорошего».

Размышляя так, но уже с коммерческой колокольни, он решил превратить идею не только в форму святого управления душами, а и в некую прибыльную затею. «Это даже будет более убедительно и благородно, – решил он. – Этим покажу „Кузькину мать“ догматическому сознанию».

Стал надеяться, что такое может сделать его подвижником благородного дела мира, и он пойдет по тропе от войны, а не к ней. «Вот ты и приехал, генерал, к тому, чтобы мир пред добром пал, – усмехнувшись, промолвил он. – Провальная идея или успех – в том и другом случае надо рисковать: или с шампанским на устах, или на погосте в крестах, – решил он. – Ведь кто не рискует, тот не пьет шампанское».

– Гордыня – страшный грех, – говорил ему голос из его подсознания, – и не может воздаться небесным сокровищем.

– На любом пути, а тем более к истине, даже если в этом пути придется умереть, я останусь солдатом-интернационалистом, – отвечал ему он, – но оруженосцем уже нового мира

и божьей воли. Для сотворения Грааля души, даже если потребуется жертвоприношение небесам, я, кажется, готов.

– Да, ты готов к этому, – отвечал опять ему голос из подсознания. – И я тебя благословляю. Надо только все хорошо продумать и преподнести миру – и вперед, вперед, вперед!

Естественно, он не думал в это время, что этой жертвой может стать он сам, хотя его не страшило и это. С этого момента он начал думать над Храмом любви в деловом плане, но, когда задумывался над совершенством и идейным обеспечением, наткнулся на необходимость оправдания греховных связей, чтобы окружающие не думали, что он задумал погрузить мир в разврат. В экстремальном холоде такого обыденного сознания он мог вымерзнуть, как в свое время мамонты на земле. Нужен был уникальный подход, устраивающий всех. Пока только идея музея любви в Храме у него не вызвала душевных противоречий. Для ее осуществления он сделал наброски возможного его проекта. Удавалось все на практике не сразу и не так просто. Для опоры и энергетической подпитки нужны были образцы, примеры и наглядные случаи великой любви в истории и действительной жизни, которые нужно было собирать по крупицам. Идея с трудом привязывалась и к пониманию большинством людей его цели. Еще сложнее было одеть ее в приличный деловой моральный мундир реальности, чтобы она воспринималась как благородная и не отдавала моральным безумием.

Мысли его носили, как парусник в шторм, от одного понимания к другому, от восстановления обрядов дарственной любви до необходимости театрализованной реконструкции примеров выражения любви в прошлом или описаний ее фантастами. Все, и в каком виде воспроизводить? Вопрос был непростым. Так, многие примеры и образцы заполучить оказалось гораздо сложнее, чем казалось поначалу. Наконец, он как воин-интернационалист решил, что музей можно преподнести не только в виде Храма любви, но также как иллюзион интернациональной мифологической любви и ее обрядов. Для этого требовались сцена и помещение, а это дело оказалось сложным и затратным, но от необходимости последних отказываться не хотел.

Он стал искать в обрядах прошлого времени на земле, как люди добивались в них выражения души и надежды, а любая душа – это зеркало природы человека. Так считая, он полагал, что одной из целей Храма может быть раскрытие души как высшей формы естественной красоты. Более того, он стал склоняться к мысли, что таковая идея могла нести начало женской гарантии свободы и воли. Освободившись от мужской зависимости ее содержания и даже необходимости обязательного рождения с воспитанием потомства, они могут потребовать соответствующей морали и веры. Однажды он вспомнил, что революционерка А. Коллонтай тоже задумывалась над свободой любви, и даже стих о ней где-то прочел и оставил в своей коллекции. Как-то наткнулся вновь на него и стал читать:

Есть теория такая
Коллонтаевского взгляда,
Что любовь – стакан воды:
Утолил жажду – и иди
К коммунизму по пути.
Но если вдруг детей зачали,
То государству их отдали,
Словно в собственность народа
И всего земного рода.
Если вождь сказал: «Роди», —
Выпейте стакан любви.
Он назначит вам самца
Для рожденья молодца.
Чтоб рожала вся земля

Всегда от божьего гонца.
Племенной нужен всем род,
Как для жизни кислород.
Вот и думал весь народ:
Как освоить сей подход?
И сотворить в нем чудеса,
Чтоб стал мир – одна семья.
Рожали бы и под заказ,
По команде все на раз.
Если детей воспитание
Не было бы как наказание.
Ждать наряды на любовь
Каждый тоже был готов
За заслуги, как награды.
Счастью в этом были б рады.
Вот и ну ты, лапти гнуты,
По рождению ждут салюты.
Но любви стаканы хором
За общим трудно пить забором.
Где же тот стакан воды
С напитком божеской семьи?
Почему же ты, Коллонтай, сама
Из своего стакана счастья не нашла?
Видно, ты считала, что любовь – служанка,
А получается, она жизни всей хозяйка.
Даже в той, к которой ты всегда звала,
Но в коммунизм дороги так и не нашла.

«Ну вот, мама, не горюй и не пой, и не один я с проблемой такой», – говорил он себе. Это укрепило его уверенность в том, что он хоть и выглядит белой вороной на спорном поле сознания, но не в бессмысленном занятии.

Однако он стал понимать, что как ни думай, но развитие любви зависит от женщины, а во всех религиях мира она является недооцененной данностью, требующей ее возвышения до божественной сущности. Данный пробел можно было бы заполнить через возвеличение ее религией духовной значимости в любовных проблемах. Тогда любовь под ее патронажем могла бы править миром. Привести же к новому сознанию и тем самым создать новое понимание женщины-жрицы для новой гражданской семьи и сотворения на ней не вечных, но законных отношений. Каким образом это могло быть, практически конкретного решения он не находил. Был только убежден, что цель правильна. Иногда задавался вопросом: «Почему бы формирование мира с гарантированной, но временной увлеченностью не осуществлять в некоем Храме, как вратах свободной любви?» Ведь вечной любви – убежден был он – не существует, и вечный брак может со временем выступать для кого-то уже насильем и дискриминацией счастья.

«Ишь куда опять тебя понесло, – будто промычал однажды в ухо опять ему человек с небесным благоуханием из подсознания. – На сцену значимости опять тебя, каналья, тянет. Хочешь пройти по воде и превратить воду в вино или возродить новое пришествие Христа в женском облике? Не хочешь ли ты сделать женщину-рабыню царицей религии любви – это же мифические планы. Матриархатом пахнет. Нельзя делать женщину царицей права любви, морали и тем более дарить ей власть в виде религии для построения мира на любви и без

войн, не получится. Женщины, по божьему выражению, – подвластные существа и недаром сотворены из ребра мужчины. Об этом даже не мечтала спасенная тобой девчонка в Чечне, она, как все дети, мечтала только о мире без войн, и тут женщины ни при чем. Ты взрослый муж, и тебе мечтать об этом неприлично, седину не смущай. Твой Храм в современном мире не может олицетворять Грааль любви и даже душу Марии Магдалины с ее душевным поиском и крестовым истязанием своего душевного несовершенства».

Он выругался на своего невидимого преследователя мыслей, но это его не заставило молчать. Он рассмеялся над ним и продолжал паковать его сознание: «В таком разносе мыслей дойдешь до того, что захочешь образовать и свое виртуальное государство с партией любви. Защита мира любви с защитой и помощью женщинам может дать сторонников, но будет ли истиной? Можешь, конечно, это представить параллельным миром с даром духа созидания, а по его значимости – бессмертие. Рассматривай это как сказочное проявление добра. Собрешь из добровольцев армию любви, религию, валюту любви и веру своего мира с искусственным интеллектом и увидишь небо в клеточку. Будешь утверждать день святой мечты из камеры, где любовь с обрядами поклонения окажется дубинкой. Будет занимательно кое-кому посмотреть на тебя, но и только, этим и будешь довольствоваться. Сам говорил, что путь к вершине начинается с выбора цели, и столбовой дороги к ней нет. Только вот шагай к мечте кривой дорожкой развлечений и помаленьку, может быть, наскребешь на мечты деревеньку, только так тебя, как колобка, не съедят, и твои алые паруса, как Грина, не сгорят».

– Ох, как ты меня загружаешь, мой божий человек, заткнись! – кричал, наливая рюмку ему и себе, если такое было, когда он выпивал. – Я в тумане своих мыслей не запутаюсь, но растворюсь и исчезну преждевременно в никуда, если буду слушать у каждого фонаря шум от ветра и дождя.

После чего напивался порой еще больше, пытаюсь забыться, и в таком состоянии просил неизвестность вернуть себя к реальности, не требуя смерти или кары, если посчитают, что он пошел по тропе греха. Когда начинал креститься, голоса и видения исчезли. Казалось, на этом ему нужно было ставить точку на своей задумке. Какое-то время действительно ему затея казалась уж мучительно сложной. Нет, он уже не пугался своих мыслей, но только всегда их бег пытался останавливать. Это не всегда помогло, и однажды ему даже приснился сон.

В нем он увидел, будто собрались где-то на небесах присяжные ученые и святые мужи, решив заслушивать его, какой он Храм хочет сотворить. Ученые, казалось, твердили ему, что у него частицу Бога в мозгах нашли.

Святые отвечали, что она в каждом человеке есть, и зовут медика подтвердить. В лице доктора заходит вроде его друг Рушави, которого он спас из плена в Чечне. Он что-то говорит ему, осматривает его, слушает, потом на костер срочно требует оправить, неизлечимым признав, и оговаривает его. Он чувствует: измена друга налицо, и за что, не поймет. Ничего сделать не может, так как и отрицать тоже не может, хоть и не говорил такого, а только думал. Возмутиться тоже не смог, будто язык ему вдруг оторвало.

– Как ведьма, пусть сгорит на костре, – заявил доктор. – Этот тип будет вам мешать.

«А может, я ему в чем-то мешать стал? – подумал он. – Врет же, утверждая, что говорил, будто новому миру нужна жертва и новая единая религия со стремлением к красоте. Зачем излагает то, чего не слышал?» Однако он настойчиво продолжал его оговаривать, будто читал его мысли:

– На него спустился порочный дух некоего Храма и говорит, что некий Бог этого Храма призвал его к этой великой миссии власти над вами. Страх войны преследует и говорит ему, что этот мир уже летит под откос вашей ложной святости, и утверждает, что миру войны нужен мир любви, а вы ведете его к судному дню человечества.

Судьи закачали головами и потребовали рассказать, в чем смысл его Храма, и он будто бы заговорил. Говорил долго как на духу о том, что хочет обожествления жизни в любви и обо-

жествления деяний красоты и страсти, без которой немислима любовь, которую они считают Богом. Рассказал, что Храм видит как вместилище совершенства физического и духовного начала в человеке с совершенством над собой, чтобы каждый следовал гласу природы души. По этому гласу, как Богу, ведущему к счастью в любви, он и продумывает создание Храма любви. Потом, как будто черт дернул его, оговорил и веру, сказав, что нынешние приходы и храмы пустуют от того, что заполнены дохлыми кошками старой отживающей морали.

Все ахнули, услышанному, а голос Дьявола стал ему нашептывать дальше, требуя его повторять, и он, ведомый невероятной силой, стал повторять:

Ух ты, да ах ты,
Черти с богом не согласны,
Что в раю прекрасна жизнь
И святою должна быть.
– Как про слезы всем забыть?
Горем счастье может слыть, —
Говорят они святым,
Грешный нагоняя дым,
Что пустили в рай из шахты
Их мохнатые мерзавцы.
– Ишь, чего решили сдуру, —
Молвил Бог, скрутив фигуру
Между пальцев в амбразуру.
Ей, крестясь уж не в святою.
«Нет», – ответили ему,
Черти, вымывшись в пруду.
– Мы косить под святых будем,
Грешки прежние забудем.
– Белены с утра объелись
Иль на углях перегрелись? —
Отвечает Боже им.
– Трудно мне так стать святым.
А ответ: «В рай пропускай
И прощенье нам давай.
Быть с тобою нам родными,
Если б ты считал святыми
И в грешной любви людей,
К ним ты точно сам злодей.
И понять тебя, Господи,
Сложно в этом, пойми,
Ведь на простыни любви
Смерть не знают от войны.
Мы с пруда давно вам пели,
В райской скучно всем купели.
Мы рай построим на земле
Не тот, что ты создал себе.
Чем ты манишь души в рай?
Развлечений нету, край.
Ходят бедные святые,
Все как будто холостые.

Манну ждут и чтут тебя,
В этом радость будто вся.
Страсти сложены на полку,
А без них счастье без толку.
О них люди не мечтают.
Увлечений их не знают.
И свобод желаний нету,
Секс карают по завету.
Мы ж свободу обещаем,
За дела любовь желаем.
Это б счастьем называли,
Правом этим бы прельщали.
И такой бы Рай создали,
Чтобы все о нем мечтали.
– Ах, вы, бесовы козлята,
Скользкой истины маслята, —
Возмутился Бог сначала
И вдруг задумался немало.
– Может, правда, дать свободу
Всем по чести и по делу.
Закон на сем в раю создать,
Совесть святостью считать?
На ней семью любви венчать.
И рай новый заказать.
Почесав нимф так и сяк,
Решил собрать святой костяк.
Он и нынче заседает,
Но каким рай все ж быть, не знает.
Чтоб люд к нему всегда стремился
И от горя не томился.
Бог, как образ человека.
На них смотрит уж без смеха.
– Ведь в аду дерьмо глотают
И потому все в рай желают, —
Говорит он сам себе.
– Не делать это ж на земле?
Но в раю не знают страха,
И нужна кара в ад возврата.
Вот тебе и ух ты,
Вот тебе и ах ты!

– Да уж, да уж, – в растерянности хором молвили заседатели.

Над головами всех пронесся смех и смолк. Он, воспользовавшись их замешательством, продолжил:

– Вот-вот, ныне над проблемой даже Бог занемог. Идеино и эмоционально выгорели все, как и ваши храмы прихожанами. Чтобы их пустоту заполнить новыми прихожанами, этих дохлых кошек нужно выкинуть и заменить живыми.

Это еще более обидело заседателей, но он убеждал их тем, что это можно исправить, только заполнив храмы новым Богом природы души и преклонением перед ним, как перед чудом.

– Похоже, он масон со странными и большими впечатлениями и убеждениями, – перебив его, заявил судья, – и в маске нечистого духа стремится к власти над миром, попирая нас и наше учение, прикрываясь созданием некой божественной Империи любви.

Далее судьи посоветовались и вынесли свой вердикт:

– Если все это так, то он издевается над чувствами наших верующих прихожан, попирает наши устои и без нашей воли пытается сотворить непотребное нам, то его, за нарушение божьих законов, приговариваем к сожжению, – молвили уже в один голос все заседавшие.

Он пытался оправдываться, утверждая, что поступает по совести и святому вразумлению, и просил разумной милости, говоря, что хотел только спасения женщин от векового семейного угнетения быть всем вечной женой, как и миру не грозить войной. При этом уверял, что не заменяет их веры, а только их мужскую веру женской дополняет, которую их вера отвергает.

– Инквизицию, как над Галилеем, хотите свершить? – спрашивал их. Они отвечать ему уже не считали нужным.

– Надо его сначала заставить отречься от своей веры самодурства. Потом тоже сотворить, чтоб он отрекся от своего Храма самодурства. Если не отречется – сжечь или утопить не в святой воде, а в напитке греха. Душу конфисковать и чертям отдать, – выкрикнул кто-то из осуждающих. – Пусть это будет его карой господней.

Тут пришедший врач вдруг превратился в палача. Подойдя к осужденному, он постучал по его голове и произнес:

– Такие типы в огне не горят и в воде не тонут.

– Проверь, – услышал он голоса судей.

Палач призвал его к отречению от своей затеи. Когда он отказался это делать, стал добиваться отречения под пыткой. Достал какую-то картину из его коллекции экспонатов для музея любви. На листе была изображена подкова с надписью «Империя любви» под крышей какого-то храма с колоколом. Он быстро ее превратил в клеймо. Раскалив его на огне, стал прижигать его грудь. Не добившись признания, решили сжечь его целиком, как на костре инквизиции. Привязав его к кресту, под ним развели костер. Тут над ним стал летать неизвестный ангел и, ссыпая из своего рога цветы любви, погасил разбушевавшееся под ним пламя. Палач, видя, что это не получается, тут же приступил к следующему акту кары: утоплению его в какой-то огромной чаше воды.

Он, освободившись от жидкости, прокричал:

– В чаше Грааля меня утопить нельзя!

От этого крика и боли проснулся.

Этот сон он со временем было забыл, но через некоторое время он повторился, и его уже запомнил надолго.

– Надо же, до чего я дошел! – говорил он себе. – Кара приснилась за Храм, который я как дар в поклонение Марии Магдалине даже не сделал, а только подумал о нем, – почесывая затылок, говорил он. – Страшно, аж жуть, и друг – главный палач. К чему это все? – но заставить себя не думать совсем не мог. Его, как жабу на жабьем току, все равно распирала то одна, то другая мысль. Порой в своих уединенных рассуждениях он часто доходил до абсурда, но все эти мысли и поиски он по-прежнему старался сделать тайной своей души, чтобы никто не сказал, что у него какое-то странное увлечение.

Поиски возможных путей воплощения своей затеи скорее не от страха, а от ненужных пустых пересудов и насмешек публично никогда не выпячивал и внешне был спокоен. Порой, прислушиваясь к своему голосу из подсознания, пытался зомбировать этой идеей даже других. Выдумывал различные сочиненные байки о неких пришельцах с другой планеты или другой

страны, будто рассказанные кем-то. Естественно, в этих выдумках сюжеты инкрустировались его мыслями, которые вселялись в призраки, которые пытались дышать предполагаемыми им демоническими чудесами некоего Храма любви.

В этом положении если он еще не превратился в бесформенный овощ, то эту заслугу можно было с надеждой отнести к его затее, которая его прикрывала от серости. Так он своими выдумками рисовал возможное будущее. Это собственное внушение, высказанное порой шуткой, иногда кого-то убеждало, кого-то нет, но вело его к преодолению страха попасть в страну безумия, и он удивлялся сам выдуманным инопланетянам. Иногда мысли сжимали его в своих объятиях, и их фантастичность, как в экстазе сонного очарования, продолжали преследовать.

В подобных случаях из подсознания являлся прежний неизвестный человек, пытаясь убеждать его в мыслях. «Может быть, он и прав», – говорил он себе, убеждая в необходимости не только Храма, но и отдельного интернационального государства, Империи любви, наподобие империи Ватикана, как в самой отдаленной реальности. Конечно, он по-прежнему относил это к неким фантазиям и продолжал отмахиваться от них.

Что-то подобное этому появлялось у него еще при исполнении интернационального долга в Афганистане, но тогда мысли были мимолетными, обусловленными кровавыми ужасами войны. Степень его любви к своим братьям и стране определялась степенью его жестокости в бою. Однако то, что любовь больше интернациональна, чем национальна, он был убежден и тогда, и сейчас.

В мыслях он по-прежнему называл ее пленительной страстью здравого ума, призванного Богом объединить мир на каком-то общем согласии и интересе. Размышления о том, когда бы ни смерть и страх, а любовь и добро дарили право на власть, все-таки не покидали его. Убеждался в мыслях, что интернациональную политику и идеологию может проводить в полном объеме только интернациональное государство или сознание, воспитанное в подобном. Только оно может приговорить к смерти неопределенное сознание и Царство неопределенного знания. Законы существующих национальных государств всегда отторгали возможность соединения разноликостью морали и единого соответствующего права. Единое мнение и различные связи в согласии без противоречий, в нормах приличия, путеводной звездой к любви не сияли, это постоянно разрушала вражда народов и борьба элиты за свою самость. Однако последнее время для него проблемы любви как проблемы мира и всего сообщества людей волновали уже меньше всего

– Если на этом уже сейчас можно что-то заработать или просто не разориться, – говорил он сам себе, – то все-таки надо искать приемлемые формы.

В этом он пытался найти что-то, что уже есть в любовных формах других стран, и идти вперед.

Ему в душе и втайне от всех нравился свой проект Храма, не возможной золотой жилой, а красотой и возможной масштабностью традиций и любовных обрядов, которые начал изучать. Так, обратил внимание, что в Китае существует прокат невест и родителей. Не оставил без внимания и послеразводные обряды успокоения и вселения надежд, что он со временем думал как-то использовать. В некоторых странах существовали и конкурсы красоты не только дам, но и мужчин. Задумываясь и над подобными явлениями, заметил, что во время проведения их молодежь мужского и женского пола, выступая друг перед другом с танцами, песнями и играми с древних времен, приобщались к общению и миру. Каждый мог проявлять свою любовь к своему избраннику или избраннице не только по внешней, но и по душевной привлекательности. Одни раскрывали в этом свою духовную значимость, а присутствующие зрители оценивали, определяя лучших, и обожествляли их, наделяли привилегированными правами.

«Интересные традиции, а если что-то подобное сформировать как ритуал обязательного общения и представления, по их оценке, неких льгот в кафе любви и за участия в мероприятиях общения, то это может быть стимулом, – размышлял он. – Значит, в моем заведении можно

было бы сделать и так, чтобы люди искали свою гармонию». Именно поиск этой гармонии должен был, по его намерению, стать религией заведения и может даже человечества, в которой оно потеряет смысл к агрессии в хаосе произвола и сможет реализовать свой инстинкт веры в любовь.

Предполагал в фантазиях, что когда-нибудь могут появиться и роботы, заменяющие любовных партнеров и даже детей для обучения родительским обязанностям. В этом случае их не нужно будет кормить и тратить свое время на воспитание, а интеллектом и послушностью они могут быть выше живых представителей. Возможно, настоящих детей будут уже скоро воспитывать только специалисты и очень любящие родители, заслужившие это право. Однако так или не так, может быть или совсем не быть, но все это необходимо приводить в единую систему, и если это делать через веру в неких храмах святости, то это лучший выход решения любовных проблем.

В таком подходе современном могут появиться и дизайнеры любви, семьи и общения. Для того же, чтобы человечество не забыло историю развития натуральной любви, им нужны будут примеры, обряды и история морали, как и новые ее варианты, которые исключили бы стрессы и трагедии, порождаемые любовью. В этом без музея традиций и примеров – понимающе убеждал себя он – обойтись будет нельзя. Все лучшее и возможное планировал так или иначе при необходимости воспроизводить в сводах своего Храма.

Претендентами на освещение могли быть не только демонстрации разных традиций народов мира. Полезным могло быть и искусство раскрытия женственности дамами, что как цветы неба и сердца представляют гетеры в Греции, гейш Японии и абсарки из индийской мифологии. Подобные им представители могли бы помогать бороться с мужским и женским одиночеством. Ими можно было исключать душевные трагедии и не только. Кроме этого, в таком интимном общении могли бы исключаться имущественные претензии. Современный же интим законен только в браке, при котором сразу возникают имущественные и нравственные проблемы. Вот тут как ни крути, с божественной правовой доступностью и отношения любовной страсти без традиционного брака могли бы как-то быть узаконены. Усмехаясь над своими мыслями, говорил себе: «Здесь хоть кишки ворота, хоть яйца рви, а танцующие небес цветы будут нужны для святого общения с рассказами и демонстрацией верности и любви. Ныне в некоторых странах подобные представители не считаются проститутками, а многим ставили даже памятники, как фавориткам знати. И почему что-то из этого общения в каких-то формах нельзя воспевать для всех? А для подчинения этой стихии разуму и счастливому сотворению жизни, кроме веры и Храма, ничего не подойдет».

Ради этого он вновь и вновь останавливал бег своих размышлений, боясь, чтобы любовь у него из обоснования Храма невольно не превратилась в политику борьбы за счастье человечества, хотя так или иначе бессознательно уже думал о моральной революции. Не подозревая также, что ковыряется в политической жиже, в которой боялся утонуть и предпочел такие дебри не раскрывать, а скрывать под более-менее благородными делами. «Делай, что возможно и что по силам, и будь доволен», – говорил он себе. Однако однажды бес дернул его, и он как-то обратился к одному видному политику и талантливому человеку его времени, пытаясь пристегнуть нехилого финансового компаньона к идее создания Храма любви.

– Какая галиматья, – ответил один из его секретарей, выслушав его рассуждения. – С такими идеями к нам еще никто не обращался. У нас есть предложения и лучше, и доходней.

От такого категоричного ответа ему стало больно и как-то не по себе, но это повторилось и с другими, к кому он обращался:

– Нашей прикормленной аристократии что не в дар карману, то как горох по барабану, – говорил он, скорее успокаивая себя, так как они, боясь выглядеть странными, не хотели видеть и выгоды. – Не каждый способен перепрыгнуть через бездну душевной нищеты, – добавлял

он, оправдывая себя за неудачи. Однако продолжал упрямо идти к своему тайному замыслу, собирая все, что могло бы стать экспонатами для Храма. В душе отрешенно говорил:

– Неужто это люди того поколения, которое хочет изменить Россию и мир в лучшую сторону? – и не находил ответа. – В этом деле, похоже, и мало званных, и мало избранных. Что-то такое, кажется, было сказано Иисусом по подобному поводу.

Однако жена стала замечать его переживания, так как он стал иногда рассуждать наедине сам с собой, и попросила общего знакомого поговорить с ним.

– Нет, это бред, – сказал ему он, уяснив его затею. – Ничего не получится, слишком громоздкая цель, да еще и с действующими церковными конфессиями конфликт можешь получить. Стяжать святой дух, подвергая сомнению догматические основы святости, церкви реального мира, тебе не простят. Чтобы человечество стало свободным от предрассудков в любви, ну зачем? Этим ты не вскружишь головы. Какие тараканы в твоей голове. Тебе это надо? Да и не с нашими финансами такую бадью разводить. Живи проще в середнячках и не залезай в «непонятную». Сейчас более легкие деньги под ногами лежат. Ты же крутишься, и деньги имеешь, и так каждый. Ну, интимный магазин организуй, если эта проблема волнует или школу любовной гармонии, но без веры. Пригласи сексологов, психологов, подбери литературу, ученики найдутся. Только вот этот пафос стремления к величию может тебя выбить из твоей струи и разорить в ноль. Пойди в церковь, поставь свечку и забудь эти мысли. Эта орбита вращения не для таких мало могущих господ, как мы. Если тебе кого удастся заинтересовать, то тебя, как пуговицу, пристегнут к чужому парадному пиджаку, и только.

Он действительно опять зачастил в церковь и серьезно думать некоторое время об этом перестал. Молился обычно долго, как бы успокаивая свою душу от безысходности. Пытаясь освободиться или окончательно утвердиться в своих замыслах, которые до этого наполняли его пустую душу каким-то поиском. Ему казалось, что после каждой молитвы за его спиной уже не вырастали крылья, а наоборот, отрубались желанья, как части его конечностей. Однако от себя было не уйти, и продолжал терзаться душевными переживаниями.

– Хотя, по большому счету, причем тут моя душа? – говорил он, молясь как-то перед иконой. – Государство наше тоже отступило от своей идеи, став, по сути, мещанским монстром, и управляется куда ни плюнь такими же педантичными мещанами или идейными скопцами. Однако вряд ли кто от этого плачет, хотя тоже полного спокойствия и удовлетворения найти не может. Однако, что это я вижу? Только свои глобальные мечтания. Вот и Боже над ними вроде как плачет. Ну, мои страдания – это горечь по трудно решаемому смыслу жизни.

Так с горечью вопрошал он по несовершенству мира с идейным выгоранием элиты в нем что-то менять.

– А твои что значат? – опять вопрошал безответно он.

Мать Богородица из-под риз безответно смотрела на него, будто качая головой. Ему казалось, что по иконе, как и по его душе, текли слезы, как бы призывая к смирению со своей судьбой.

– Пусть это мне не кажется, плачет, значит, по делу. Слезы – это благое явление, они как некое очищение от греха.

Только такового у себя не находил и лишь в этих видениях обвинял небесных повелителей.

– Даже боги в бессилии и безысходности страдают за этот мир, омывая слезами его безрассудность, – шептало ему воспаленное от раздумий сознание. – Каждый день убивают, как на настоящей войне. Убивают плоть святой красоты и романтику жизни меркантильностью и прагматичностью борьбы за выживание. Красоте духовной, как и истине, не осталось места. Люди, призванные своим положением изменять судьбу мира, привнося в ее красоту, оказались не способны перешагнуть за границы обыденного круга наживы, чтобы в нем выразится

и скрыться от безлико властвующего «я». Почему же боги отстранились и не могут исправить это?

– Может быть, их сознание, – шептал уже он сам перед иконой Христа, – не готово принять мой святой зов любви, к которой призываешь ты. Ты же извне, с небес, должен управлять сознанием всех. Видимо, управляешь так же моим, нагоняешь думы, а зачем? Хоть создал этот мир с насильем, призываешь к любви. Значит принуждение всех к любви – это твоя воля и право. Где же она, твоя божья воля с влиянием на разум? Вот уже я и за тебя, и за себя посылаю молитвы за всех жаждущих твоего обещанного мира. Хочу, чтобы они дошли до политиков, правительств и народов. Во имя всего святого! Дай им силу разума зрячих праведников! Пусть перешагнут через ограниченность своей жизни, наполни их души святой мечтой и помоги мне сотворить на земле задумку твою. Пусть в нем будет жить религия настоящего земного счастья, зовущая и к душевной, и к телесной радости. Пусть она дополнит наши религии новой надеждой непотусторонних желаний и станет не религией обязанностей, а сокровенной религией прав на реализацию земного счастья, через познание себя и соединение со своей божьей природой плоти и духа.

Подобные просьбы или полусознательные молитвы в его устах часто были скрытой причиной его внутренних сомнений и посещения церковных служб. Жена этой религиозности совсем не стала понимать и стала думать, что у мужа пошли какие-то психические отклонения, как у многих афганцев после ранений в военных кошмарах, которые им пришлось пережить. Сначала она смеялась над ним, говоря ему, что он молится Богу, а думает о грехе. Бог его никогда не поймет и не внемлет и за это даже может наказать, но с этими странностями постепенно смирилась.

Всю свою жизнь, которую он прожил в коммунистическом режиме, это была погоня за званием в иерархии власти, где инициатива не очень-то одобрялась, а педантичность была ее основой. С падением этого режима свобода с безденежьем бросили его в пустоту и заставили думать.

В перестроечное время, после Афгана, он организовал кооператив, потом – фирму, где постоянных членов было не более трех человек, и в личном плане вроде бы обогатился. Имел две машины, купленные у военных, две дачи, молодую жену и жил свободно, не так чтобы на широкую ногу, но не в чем особенно не нуждался, а радости этого счастья как бы и не чувствовал. Чего ему не хватало, он и сам толком не знал. Ему стало ясно, что он, по сути, как был, так и остался по образу существования мещанином при той и этой власти. Мелкие бытовые интересы и развлечения. Обидно за себя никогда не было, но это осознание, что богатство в могилу с собой не заберешь, стало напоминать о себе, когда идея Храма стала задевать его самолюбие. Отступление от захватившей его идеи для его военной души было некомфортным. Посещая церковь, он как будто беседовал с Богом.

Время шло, дети подрастали. Жена на его странности: сбор различных сувениров и фактов любви из истории мира – не обращала внимания. Частые посещения церкви и одновременно повышенный интерес к интимной литературе уже тоже перестал удивлять. Ей было все равно, только бы в доме был покой и деньги. Сколько зарабатывал муж, она никогда не знала. Одно время он чуть было не разорился, но как-то выкарабкался, и семья больших трудностей от этого не испытывала.

Сколотить достаточный начальный капитал для большой раскрутки не получалось. Отряды различных мошенников то обманывали липовыми акциями, то с жильем, то с предложением покупки заграничных курортных апартаментов. С каждым годом работать приходилось все труднее и труднее. Крупные фирмы постепенно вытеснили таких, как он, мелких посредников. С этими ежедневными заботами идея Храма все-таки его не покидала, и однажды за гроши приобрел списанный дебаркадер.

На нем он стал разворачивать что-то вроде интеллектуального кафе с музеем любви. При этом он предполагал организовать не просто кафе, а интеллектуально-игровое купе-кафе с оригинальной формой общения и культурного отдыха. Предполагал, что интеллектуальное общение требует уединения только с понимающими тебя друзьями или с какой-нибудь интеллектуальной фонотекой. Такое купе-уединение – это для него было необходимым условием, где посторонние взгляды и интересы любопытства окружающих мешать были не должны. «Значит, вариант купе – это дополнительный вариант, обязательный к общему залу», – убеждал он себя. Тут ему ничего нового сотворять не приходилось – так, приват-кабины были во многих развлекательных заведениях. Ему же хотелось их упростить и сделать кабинами творческого уединения.

Для реализации этого подхода с открывшейся возможностью на дебаркадере он планировал в каждом купе установить компьютер для уединенного общения. Каждый посетитель мог бы создавать на нем свой сайт, где желающие могли бы раскрывать и показывать свое творчество. Это уже могли бы переносить и на большой экран в общем зале. Творчество планировал разрешать и на теле, и с телом, как Храмом своей души. Посмотреть уже интимное творчество можно было бы только за деньги. Таким образом, кафе должно было помогать создавать такие сайты, чтобы разврат не хватал за горло и совесть не отрубала головы.

Так как в этом подходе без зала свободного общения обойтись было невозможно, он подумывал о необходимости заранее предусмотреть среду занятий в общем зале. «Даже небольшой зал на дебаркадере для организации вечеров знакомств, творческого общения со свободным микрофоном и свадеб меня бы устроил. Такое точно не разорило бы, – говорил он себе. – Такое можно было бы даже сдавать и на этом зарабатывать. Рекламой и стимулом, естественно, могли служить различные откровения, а музей любви в исторической перспективе мог быть приманкой и познавательным развлечением».

Для этого он собирал и заказывал различные экспонаты и образцы великого проявления любви в истории общества. Однако он решал не только показывать любовь современников как факт и то, чем и как она жила в своей истории. Другой возможности для реализации своих интересов он не видел, но это могло быть только по началу дела. В процессе дальнейших размышлений он все-таки склонился к мысли, что сможет вытянуть идею, если в своем Храме любви организует службу счастья, которая будет развивать любовное общение граждан, но как это сделать, чтобы не скатиться в разврат и при этом искоренить проституцию как проказу, полностью не понимал. Несмотря на это, в реальности своей затее уже почти не сомневался.

По своей упрямой натуре он еще больше стал считать, что оправданием дел может быть убеждение, что душевное родство на основе великих чувств всегда лежало основным краеугольным камнем счастья и его дела. Поэтому служба счастья с кафе и музеем любви была ему и окружающему его миру людей более понятна. Считая так, он как будто открыл себе новый глаз и отрезвел от своих прежних сомнительных раздумий, но полностью раскрывать свои замыслы кому попало не считал нужным.

Это не позволяло ему выглядеть уже довольно серьезным типом, так как подтверждало наличие нормального человеческого мышления с поступками на сколачивание капиталов. Меркантильная хватка была основным мерилем зрелости любого человеческого поведения в окружающем обществе потребления, где успешность и счастье были таким же товаром. Даже глупость в нем, если она приносила кому-то деньги, таковой не считалась. Окружающие могли только позавидовать и сказать, что ему золотая моча ударила в голову.

Когда убедился в своей правильности намерений и их необходимости, сказал себе:

– Теперь вперед. Вперед и только вперед, и пусть уже дело подскажет, что приживется, а что нет, но уже не в уме, а в конкретном заведении. Буду надеяться, что и другое, и большее придет со временем набора практического опыта. Если в обыденной жизни люди не видят внутренний мир друг друга и современные центры досуга тоже не стремятся к раскрытию их

внутренней природы, то тут свободная ниша. В их структурах все пущено на самотек, то это и надо исключить. В лучшем случае внешнее восприятие, по которому и предполагаются знакомства в них, зачастую обманчиво от того, что не нацелено на духовность, и потому ведут к мимолетным и ошибочным, ничем не гарантированным отношениям. Я постараюсь заполнить эту нишу пустоты душевным наполнением во имя любви, – окончательно решил он. – Чем не благородная цель? – задавал он по этому умозаключению уже вопросы себе. – Если хорошо продумать, то все можно будет решить.

Таким образом, в своем Храме любви он намеревался создавать как можно больше условий для возникновения духовного общения. Необходимость этого для получения взаимности, рожденной на настоящих, а не обманных ощущениях чувств, для него казалась законным делом. При этом он хотел, чтобы в его Храме была полная диктатура любви от женщин, как ее творцов жизни и любви, но без возрождения матриархата, а все строилось бы на отношения согласия, как условия семьи будущего мира.

«Как ни крути, подобные центры любовных отношений с воздаянием и даром любви за покаяние и очищение по духовной значимости через самовыражение, с музеями любви, могут быть везде и оправдывать название Храма любви. И почему такая инновация не может стать поддержкой от государства? – спрашивал он себя. – Мораль должна стать основой права, а оно – формой общественной любви, а не только его проклятьем и карой. Мораль же, как зеркало души, должна быть в руках веры, и отделять государство от веры любви нельзя. Значит, должна быть общая единая вера у всех стран мира, которая не отрицала бы существующие ныне формы. Тогда всегда бы светило солнце любви для единого мира и без дыма войн. В таком подходе такие заведения могли бы стать и международным трендом, и финансовым условием для публичного раскрытия духовного мира, каждого гражданина и ощущения своего счастья и счастливого Мира. Похоже, нашему государству ныне не до этого и недосуг. «Ну что же, пойду потихоньку сам. Иначе механизма нового общения на духовных формах стяжания любви с согласованными эталонами морали и совести никогда не будет».

Этим в последнее время он жил, играя на своей гармошке дум, как одинокий гармонист на селе у своего забора, чем-то подпевая делами, пока не встретил свою роковую любовь.

Глава 2. Встреча

*Не каждая встреча в радость,
А порой мимолетна на малость,
Но, став искрой большого романа,
Освятите, чтобы болью не стала.*

– Мужчина, скажите, к какой платформе подойдет электричка? – спросила Арабеса стоящая на платформе девушка с гитарой. Она улыбнулась и лукаво посмотрела на него.

Все женщины рано или поздно осваивают разговор глазами. Этот взгляд обольщения, как по этой науке, стрелой амура пронзил его воображение, приглашая к большему общению.

Он усмехнулся и, с интересом оглядев ее с ног до головы, ответил:

– Для такой красивой девушки электричка может остановиться на той платформе, на которой она захочет. Ей достаточно махнуть рукой приближающемуся поезду – и ах, кони встанут у ее ног, как такси у светофора.

– Сейчас наговорите.

– А вам, сударушка, куда?

– В Москву, разгоняю тоску.

– Оно и похоже. От одного взгляда на вас тоска исчезает. Голубые волосы, голубые глаза, голубая мини-юбочка и еще что-то вроде штанин до колен, держащихся на подтяжках из-под юбки. Это что, мода сейчас такая?

– Это, собственно, подарок от богатой фантазии для поражения мужского воображения. Я голубая роза – леди желанная или королева мечты, как голубая куколка Барби. Сейчас если из серой массы не выделиться, не пройдешь по лезвию разумного, тебя не заметят. Вот почему и серьга на пупке, но когда это не надо, я не надеваю.

– Громкая заявка. Только сейчас и этим уже не удивишь. Когда-то женщины, чтобы удивить мужчин и выделиться из своей массы, надели брюки. Сейчас это так обыденно, что порой девушка в юбке выделяется уже из брючной толпы.

– Не люблю женщин в брюках. Мне кажется, они в них теряют женское лицо. Настоящая женщина на выход брюки не наденет, если это ей не надо по роду деятельности.

– Так ваш голубой авангард голубой мечты – это тоже род деятельности?

– Реализация мечты должна быть смыслом деятельности и частью каждого уважающего себя человека.

– В реализации мечты и смелости вам отказать трудно, одно ожерелье на груди чего стоит. Сами собрали?

– Да.

– Красивое и с цветами, они как живые, да и вы сами как цветочек – можно нюхать и целовать с ног до головы.

Последние слова он произнес, наклонившись над самым ее ухом и почти шепотом. Уже отпрянув от нее, извинился за сказанную дерзость.

Она улыбнулась и ответила, что не восприняла это за дерзость, а наоборот, ей даже было приятно это слышать.

– Однако чувствуется, что вы модельер-самоучка. Больше смахивает на орхидею голубой ориентации, а волосы родные?

– Родные – темные. Я в действительности черная орхидея с голубыми глазами.

– А на голове тоже такие? – усмехнувшись, пошутил он.

– Там, на что вы намекаете, у всех темные, кроме альбиносов, стыдно в вашем возрасте не знать. Однако и там у женщины могут быть любые, если это будет голубой мечтой мужчины.

– Да... а вы, девушка, как ходячий кроссворд, можно часами глядеть и разгадывать, все интересно и все загадочно. Вон какой красивый пупок с красивым пирсингом, а ниже, наверно, еще красивой. Приходится только воображать, какая там мечта прячется, – полушутя продолжал он.

– Это полезно, особенно мужчинам вашего возраста – стимулирует жизненную энергию.

– В прошлые века дама из-под платья слегка ножку покажет – мужчины в экстаз приходили, а сейчас вот и пупок светится солнышком, и на спине всего два шнурка, а потом и говорите – насилуют, а кто виноват?

– Ну, только не женщина, – возразила она. – Раньше поцелуи были запретом. Поцелуй прилюдно считался неприличным занятием. Даже первый поцелуй увидев на экране в кино, люди плевались и говорили, что ничего позорнее для взора не видели. Танго, вальс раньше тоже считались непристойными танцами. Даже балерины танцевали в длинных юбках. Обнаженное для обозрения тело и страсть являлись позором общества. В джунглях женщины ходят почти обнаженными, и это считается в порядке вещей. Границы нравственности у всех, видимо, разные.

– Ну, это в джунглях, там обнаженную нравственность диктует природа, а в нашем цивилизованном мире несколько десятков лет назад здоровым мужикам достаточно увидеть было только часть того, что ты показываешь, чтобы с ума сойти и в штабель у ног уложиться, если не наделать глупостей.

– Ой ли! Все бы так горячи были? Пляжи всегда были, и все на них почти одинаково голы и переносили, и переносят друг друга спокойно. Оголенная красота натуральна. Все другое ее выражение – больше категория социальной значимости. Этой красоты без денег, вкуса и таланта не сотворить. Но женщина чем больше раздевается, тем она прекрасней выглядит, только надо знать меру. Постоянно даже обнаженная одна и та же красота утомляет, нужен талант, чтобы постоянно удивлять красотой.

– Все правильно, всему свое место и время. Истинная красота женщины видна только в постели и то только поутру. Когда все краски, как с деревьев осенние листья, исчезают.

– Вот потому нам для постоянного проявления интереса к себе в фантазиях приходится упражняться, и при этом порой даже забываем о мужчинах, форсим уже перед друг другом. Но как бы ни хотелось пофорсить, во фраке лес не нарубить, да и посуду не помыть.

Он, очарованный ее рассуждением, дружелюбно усмехнулся.

– Зачем женщине лес рубить? Они сейчас так раскрепощены, что это их всегда может накормить. Мужчине, чтобы поесть и тем более пригласить с собой даму, нужно чтобы рубашка от пота колом на горбу встала. За красивые глазки его не накормят. Это возвышает мужчину и делает его таковым, иначе это только самец. Я, если у меня в кармане нет денег, чувствую себя живым трупом. Чтобы мужчине женщину соблазнить и заполучить, ему нужны и время, и деньги, женщине же нужны лишь согласие и очарование.

– Нам, женщинам, в этом плане легче, но слез на нашу долю всегда выпадает больше. Для самостоятельных женщин деньги мужчин не имеют никакого значения. Не каждая женщина мечтает стать содержанкой на шее мужчины. Эта позиция лишает их самостоятельности. Душевная близость на полной самостоятельности, порождающая привязанность – это основа долголетия любви. Когда между мужчиной и женщиной образуется единое душевное и деловое кровообращение, счастье неизбежно. Гармония тела души и еще чего-то – только это значимо для их дальнейшей жизни и не только своей, а и той, которой они могут дать жизнь. Мужчинам всегда проще женщин, они меньше думают о последствиях интимной связи. Женщина нужна им лишь между своими делами, а у женщин основное дело – это любовь. Только последствия любви заставляют их думать о тщательном выборе сексуального партнера. По-другому сказать, увидели красивые ноги – им уже интересно увидеть и то место, откуда ноги растут. Их медом не корми, поиграть разреши и желательно без лишней траты времени.

Пока не видит – интересно, а увидел, наслаждался – и интерес пропал. Оказывается, в том самом месте все женщины почти одинаковы, вот и приходится этот мужской порыв страсти спускать на тормозах. Для женщины всегда проблема раскрыться и сохранить интерес, чтобы слезы не утирать.

– Тут можно с вами поспорить, не может быть двух одинаковых женщин ни в одном месте. Каждая женщина по-своему оригинальна и интересна, это же не поточное производство, а всегда эксклюзив. Самое главное для женщины – это умение себя предложить. Чем больше женщина оголяется, тем сильнее она себя предлагает и больше может иметь из того стада желающих, которые ее пасут взглядами желаний.

– Было бы лучше, если бы они так же желали наслаждаться нашей оголенной душой. Самой красивой частью тела у женщины должно быть сердце в платье души. Нынче предлагать душу некому. Оголенная душа теперь только Богу нужна, все интересы мужчин кончаются телом. Вокруг красивых женщин только плотский примитив, а женщина – это же красивая душевная скрипка, оттого, что ее мужик полапает, она не запоет.

Арабес засмеялся над ее рассуждениями, потом задумался, не зная, что ей сказать.

– Что вы смеетесь, неправда, что ли?

– Да нет, вроде так и не так. Чтобы душу оголить, общение надо или дело предложить, а это всегда сложнее. Только не каждая женщина дело может разделить с мужчиной. Порой же даже в деле женщина только переживаний добавляет, а ему и без этого их хватает. Душу женщины можно и через обладание телом понять. Поэтому преподнести мужчине тело с душой, заботой и пониманием – большая наука. Без тела душа женщины мужчине тоже не нужна – это мать. Тело женщины больше, чем душа, требует постоянного совершенства и массажа, чтобы форма в ажуре была.

– А вы рассуждаете, будто хорошо это знаете, случайно по профессии не массажист?

– Нет, я последнее время нечто больше, считай, почти тренер по эротической гимнастике и по совместительству инструктор страсти. У меня своя фирма. Она так и называется «Бабье дело», – это он произнес с усмешкой, намекая на розыгрыш, и тут же поправил себя: – Точнее, дело счастья.

Тут рассмеялась уже она.

– Непонятно, в чем же соль этого дела? Это, наверно, что-то фиктивное, наподобие «Рогов и копыт» Остапа Бендера? Шутить изволите над женщинами.

– Шути не шути, а если серьезно, то торгую тряпьем, иначе – обтиркой. Заодно это тряпье на переработку пускаю и дамам из него гигиенические прокладки предлагаю.

– Там же, наверно, и синтетические нити есть, а это в интимных местах противопоказано, – восприняв его слова всерьез, так же серьезно возмутилась она. Он, однако, с невозмутимым видом продолжал розыгрыш:

– Да вы что, мы их перетираем и по индивидуальным заказам набиваем. Вызываем даму, размеры снимаем и по телу подгоняем. Искусственная ниточка, она ж их возбуждает, и целует, и ласкает, и даже мужчину заменяет. После ношения наших прокладок они все и гулять, и рожать желают, а бабьим делом всегда было мужчин ласкать да детей рожать.

Она с ухмылкой покачала головой.

– Голову вы мне морочите. Но это неудивительно, мужчины с детства этим занимаются и над дамами насмеваются. Таким образом вы их любить и рожать не заставите, но как успехито, какие есть? – засмеялась она.

Он хмыкнул и с долей шутки стал объяснять, на ходу развивая мысли по своему надуманному делу:

– Вот это только кажется: родить – это просто и большого ума не нужно. Ведь прежде, чем родить, надо еще не только чего-то и кого-то хотеть, но потом найти и соблазнить того,

от кого родить. Объекту надо расставить амурные сети так, чтобы рыбка из них не выскочила, а это целая наука.

– Значит, учить начинаете с науки очарования?

– Нет, проблема в другом: не каждая дама по внешности может сказать, что за мужчина перед ней и стоит ли с ним заводить знакомство. Все зависит от того, какого знакомства она хочет и какой продолжительности. Первое – это оценка мужчины. С некоторыми мужчинами можно договориться и без слов. Если, скажем, женщина поправила волосы, оголила плечо и положила руку на сердце, значит, он ее понравился и она ищет знакомства с ним, но стесняется и не может в этом признаться. Если она сделала то же самое, да еще и облизнулась, то она не против и сексуальной связи. Когда при всем этом она еще и показала бедра до трусиков, раздвинув колени, или другим образом, то это значит, она хочет секса и прямо сейчас.

Девушка вздохнула и сказала:

– Ха-ха! Да, наукой это быть не может, но за бред мужских желаний принять можно. Проститутки так и делают без науки, усаживаясь на лавках в парках, надо только потерять стеснение.

– Хорошо, не верите – не надо, но это все только первый курс, предложение по-черному называется.

– Такого не бывает. Вы большой черный шутник.

– Да ладно, шутник. Это еще что, вы женщин не знаете. Если говорить серьезно и честно, то я пытаюсь создать фирму счастья.

– Оригинальное намерение, и в чем смысл? Может, я начну думать, что вы красивый цветок в клумбе желаний.

– В продолжение нашей беседы могу уверить вас, что так и думайте.

– Если говорить о счастье и считать, что без любви оно невозможно, то тут я вам могу прочитать целую лекцию.

– Ну, это уже интересно, читайте, ведь электричка еще не скоро подойдет. Я так считаю, что есть духовная, душевная и телесная любовь. С чего начнете?

– Если говорить о духовной, то это больше на общем деле и жизни, стремлении формируется. Душевная любовь – это любовь отношений, и ее скорее определяют знаки зодиака, а телесная – тут все сложнее. Красивая женщина – это не значит, что вы хоть и влюбитесь в нее, но телесной гармонии можете не добиться. Есть холерики, сангвиники и прочие генотипы, и время получения удовольствий у всех разное. Кроме того, в разные годы и в разных местах на земле, как местах силы, у людей возникает разная страсть. Есть и женщины, как подобные места силы, создают мужчине небывалые сексуальные возможности. Кроме того, есть женщины внешнего удовлетворения, есть только внутреннего, и им не безразлично, каково родовое достояние мужчины. Поэтому для любви необходима сексуальная гармония, и тут без умения управления своими интимными мышцами не обойтись, и всему надо учить и в том числе «Камасутре».

– Вот я бы такие сказки, ниже пояса, незнакомым молоденьким девушкам не рассказывала.

– Вы извините, но так уж пришлось к слову, леди. Только это не сказки, а необходимость получения счастья, и эти знания не нужно приобретать вследствие ненужных ошибок. Да и вы, леди, еще не упомянули о любви Виагры как страсти. Бывают случаи, когда увидел даму – и волосы стали дыбом, и не только на голове, а все с ними вместе и без душевной или телесной гармонии, как волновое очарование.

Она засмеялась над его примером, не лишенным возможного явления:

– Экий вы все-таки упрямый в своих убеждениях. Считайте, что я вам поверила, но любовь такую не знаю. Это может быть мимолетной схваткой какой-нибудь божьей энергии для необходимости небесного зачатия. Можно ли здесь говорить о любви, не знаю. Давайте

я вам лучше спою песню детдомоской души, для массажа сердца, это всегда гораздо интересней. – Она посмотрела на часы. – К сожалению, видно, уже не успею, сейчас уже электричка придёт.

– А ты спой, спой, не стесняйся и лучше, если она будет собственного сочинения. Электричка, которую ждем, отменяется, нам придётся ждать следующую.

– Тогда слушайте и к словам не придирайтесь, она может и для вашей фирмы подойдёт. – Она взяла гитару и запела песню:

ВЕТЕР, ЛЕБЕДЬ И КРАСА

Вот и лебедь, созрев на пруду,
Бывший гадкий, явил красоту.
На крыло встал, пошёл в высоту,
В нем ища половинку свою.

Нищая девочка из детдома,
Тоже вышла, до неба такого.
Помахала ему: «Мы друзья!»
Их роднила святая краса.

Шестнадцать годиков всего,
И туфли разбиты и голо бедро,
Бедная краса, ой не рви ты глаз.
Соблазвившись ветер шлет на честь заказ.

Юбку рвет, и девственность хочет её взять.
Молвит ей, – за это всё готов отдать.
Если честь не купит, то готов венчать.
Чтобы уж за грех такой небом не карать.

Отвечает в раздумьях она ему:
«Видно я судьбу матери повторю.
И на плахе небес все ветра попрошу,
Не дарить проклятий и грехов судьбу».

– Я серебром засыплю всё,
Чтоб проклятье с тобой не жило.
И у бога на жертвенность права спрошу,
Чтоб не мучилась этим ты даже в Аду.

Отвечает лебедь такой же с небес ему:

– Я судьбы такой ей совсем не хочу.
Не такой вижу жизни её мечту.
– Ты не знаешь лебедь её по всему, —
Молвит ветер с завыванием в высоту.

– Я её куплю всё равно,
И под юбкой ласкает уже бедро.
Изнахачу и стоп кран сорву,
И на плаху девственность уведу.

Целомудрие желаний зацелую всё,
Я на её святость глаз держу давно.

И любая награда, за просьбу её
Мне святая будет, ведь мы с ней одно.

Я без роду племени, и у ней всё то.
С неба нам за это спустится тепло.
Пусть же она жертву божью принесет,

И уж после этого без забот живет.
Ветер супруг, для свободных не рок,
Зрелость всем дарит и в счастье полет.
Не пугай ты мною лебедь, её мной не надо,
Все равно я буду ей лучшею наградой.
Иначе пропьёт честь свою где-нибудь,
Без умысла в угаре, любви ли в этом суть?
Ведь в кабак идет, а там пьют вино,
И родителей нет, не мешает никто.

Выбора ей точно не дано, давно,
Девственной в детдоме оставаться не легко.
Счастье завтрешнего дня подарю ей я,
Укрощу, осчастливлю, ценить будет меня.
С детством своим расстанется,
И в любви со мной не раскается.
Если лебедем любви моей станет,
Боги небо любви ей подарят.

К материнству тропинку протянут.
Может ветра семью в мир закажут.
Станет матерью детей моих родной,
А грех этот станет для всех святой.
Со мной познает нежность и свою любовь,
Тогда уже и появится благородства кровь.
Не мигайте звезды я и вам скажу,
Ей заказан рок повторить судьбу
И от ветра род заказать хочу.

В этом я ветер и в этом я весь,
Святость мне за это обещаите в честь.
На колени встану с милостью пред ней,
Пусть любви свободу родит судьбой своей.
В пантеон героев попаду с ней я
Если с ветром будет создана семья.
Ветер и красавица, как чудная заря,
И пред моим счастьем лебедь ты беда.

Я хочу, чтоб сделка была бы святой
И по этой сделке слез не лей, постой,
Опустись перед мною, как заря росой.
Пусть ей повторится рок матери своей.
И как лебедь встанет со мной уж на крыло,
В этом счастье забудет про любое зло.
Лебедь выслушал его, не веря в миф душой
Поднял эту девочку и унес её с собой.

И лишь песнь о чистой песни лебединой
Он оставил ветру, чтоб не грустил о милой,
И сказок не сулил,
и мглы безумством не шалил.

Арабес внимательно прослушал ее песню, но сказать ей сразу, что песне не для широкого круга не решился. Ему казалось, что сюжет сказочен хоть, видимо и отражает некоторую действительность её жизни. Однако не хотел её обижать. Хотелось продолжить прежний разговор, но как перейти к нему? Тут он, как бы в подтверждение своих слов, вымыслов и всего наговоренного решил предложить ей свою визитку. Он знал, что её с собой нет, но делал вид, что ищет. Когда раскрыл свою папку, из неё неожиданно выпал альбом. В этом альбоме им была собрана коллекция произведений искусства на эротическую тематику, как возможные экспонаты для своего Храма любви. В своё время их как-то логически подобрал и систематизировал, так чтобы они последовательно раскрывали этапы любовных связей, и смысл любовного общения в разные времена.

Собеседница, увидев упавший альбом, оказалась более проворной и, нагнувшись, быстро подняла его. Подавая его ему, она вдруг заинтересовалась открывшимися картинками. Разглядывая их, спросила:

– Интересные эротические картинки. А зачем они вам?

Он как будто растерялся и, сконфузившись, произнес:

– Я вам сейчас постараюсь объяснить. Только вы не смейтесь надо мной. Хочу собрать все заслуживающие внимания эротические произведения от сотворения человечества и до наших дней. Потом отсканирую и помещу в компьютер. Построю, видимо, эротическое кафе, где на каждом столике будет экран, и каждый, кто захочет посмотреть из этого жанра картинки или послушать стихи отрывками из тех или иных произведений, может бросить монетку, и на экране появится то или иное произведение любовного или эротического содержания. Более того, я хотел бы со временем сделать так, чтобы каждое изображение могло ожить. Кроме того, эти картины станут музейными экспонатами музея любви.

– Это, наверно, будет заманчиво, но совместимо ли? Эротика и питье – большой вопрос, а вот как исторические экспонаты – возможно.

– Что это, невозможно или несовместимо? В интимной обстановке в любовных отношениях многие без питья не обходятся. Это придает своеобразный шарм отношениям. За грани-

цей есть кафе, где даже официантки полуобнаженные ходят, а что, в наших заведениях это, выходит, не то?

– Вы мыслите как настоящий бизнесмен, хоть такое зарабатывание денег для некоторых может показаться не очень нравственным занятием. Я все-таки считаю, что и это может иметь место, только все не должно быть вульгарно. Ваше стремление можно понять и как форму предоставления некоторых эскорт-услуг, если не сексуального эстетического воспитания личности.

– Вот-вот, вы, наконец, кажется, меня начали понимать. Можете посмотреть: я подобрал иллюстрации, рассказывающие о разных этапах любви. Под некоторыми картинками есть объяснения.

Она просмотрела альбом и, лукаво хмыкнув, вернула ему. Арабес хотел ей что-то объяснить, но тут стала приближаться электричка.

Видя непонятное замешательство своего собеседника, постаралась его успокоить, сказав, что эта коллекция по-своему познавательна, и хоть отдельные картины очень откровенны, к вульгарным их отнести нельзя. Замечания же у каждой картинке с лаконичными объяснениями основательно лишают коллекцию шокирующего восприятия.

После сказанного спешно поблагодарила за общение и стала готовиться к посадке.

Он так и не успел познакомиться с ней поближе. Подошедшая электричка не дала им времени общаться далее, и серьезного знакомства не получилось. Девушка, окликнув двух мальчишек гораздо моложе ее, но стоявших в отдалении, пошла в последний вагон, а Арабес вошел в тот, который остановился напротив него.

Глава 3. Знакомство

Если вы когда-нибудь чувствовали запах необычной мысли и ее искренней красоты, вы никогда его не забудете. Осознание непримиримости или другого ощущения мертвой хваткой утопающего будет держать вас еще долго.

Музыка с нежным и трогательным голосом, словно глухой колокольный звон, заплескалась в стенах последнего вагона этой электрички. Отражаясь то от одной, то от другой его стены, она вырывалась в открытые окна. Арабес услышал ее, когда эта музыка уже зазвучала из соседнего вагона. Он стоял в тамбуре и докуривал сигарету. Через некоторое время через тамбур в вагон вошла та самая голубая, как ангел, леди мечты, с которой он шутил на перроне, а за ней двое парнишек с баяном и бубном.

– Дорогие мои братья и сестры, – начала она, обращаясь к пассажирам. – Понимаем вашу усталость после тяжелого трудового дня, вам не до нас. Кому сейчас легко? И нам тоже. Мы детдомовские, пришли к вам с благородной целью. Да. Да, не удивляйтесь, с большой благородной целью – разогнать тоску. Но, как всегда у нас водится, все благое, как тень, преследует корыстная цель. И чтоб вам было не мучительно больно расставаться с деньжатами, мы милость вашу скрасим песней с доставкой ее в любой конец вагона. Итак, терять все равно нечего, слушайте: поют беспризорные теле-горе-блинчики из хора «Детдомовские самовары», неоднократные лауреаты конкурса «Перепой на заре», – девушка улыбалась, говоря все как бы полушутя, потом запела:

Камень на камень, кирпич на кирпич,
Горе на душу ложится, как бич.
В промысле дьявола мы словно дичь.
Сердце сорвалось, и слышится лишь клич...

Эти слова отдаленно напомнили ему что-то знакомое, а именно его песню, которую когда-то сочинил, возвращаясь из Чечни. Эта девушка на одно мгновение показалось ему той самой маленькой девочкой, которую когда-то, около десяти лет назад, он вывез из Чечни.

Он написал на сторублевой купюре свой телефон и положил девушке в сумочку, когда она закончила петь.

– На купюре мой телефон. Позвоните обязательно. У меня есть к вам деловое предложение. Мне кажется, что лет десять назад я эту песню уже слушал, да и эта куколка «дельфин и русалочка», что висит на вашей сумочке, родом, кажется, из Чечни.

Девушка на мгновение замерла, улыбка сменилась настороженной задумчивостью, будто прикоснулась к чему-то непредсказуемо далекому.

– Я вам обязательно позвоню, – ответила она и торопливо пошла дальше.

Она позвонила не сразу. Прошло больше недели, и он уже не ждал звонка, когда услышал, сердце его екнуло и сжалось.

– Вас зовут Надежда?

– Да, – ответила она.

– Тогда я не ошибаюсь, вы именно та девочка, которую я вывозил из Чечни в начальном периоде первой военной кампании в Чечне.

– Вы тот самый интернационалист Арабес? – в свою очередь спросила она. – Это было или имя, или прозвище, но помню, вы просили себя так называть.

– Так и зовите, – ответил он и назначил встречу.

Они встретились в кафе на Старом Арбате. Она как будто не очень охотно поведала ему, как сложилась ее судьба после дороги из Чечни.

– Да я тогда от ментов вокзальной площади улизнула, но, перебегая через улицу, была сбита машиной. Водитель жил, видимо, в пригороде и, чтобы уйти от ответственности за несчастный случай, меня в бессознательном состоянии подобрал и увез, оставив у ворот одной из больниц пригородного городка.

После этого неизвестный человек с телефона, а может, и он, позвонил в больницу. Врачи меня подобрали и практически выносили. Я долго не могла восстановить свою память. Только уже находясь в детдоме, я вспомнила свое имя и назвала фамилию Желанная. После получения паспорта из детского дома ушла, но связь постоянно с ним поддерживаю. Кроме всего, у меня там осталось свое хобби и одна из воспитательниц – почти моя приемная мама, покровительница этого дела.

В детском доме меня из-за моего внешнего сходства все звали куколкой. Эта кличка мне стала родной. У нас всегда не хватало кукол, и мы, девчонки, их стали делать сами. Удачные их экземпляры, как и поделки бабочек их капроновых чулок, натянутых на проволоку, носили в магазин и продавали. Это постепенно перешло в дело. На вырученные деньги кой-чего себе покупали. Это стало моим хобби. Сейчас я снимаю комнату с подружкой в Москве, коллекционирую и собираю разные куклы. Чтобы покупать, мы делаем свои куклы и продаем. Может быть, со временем сделаю и музей куклы.

Она с увлечением стала рассказывать о каком-то неизвестном ему доселе мире кукол, и он стал с увлечением слушать, больше любуясь игрой черт ее лица и движениями тела.

– Я хочу, чтобы мир кукол пересекался с миром людей. Куклы имеют огромную энергетику, и эта энергия может возбуждать любовь к ним. Более того, они начинают поглощать вашу энергетику, которая переходит в души этих куколок, будто сами люди срастаются с душами этих кукол. Порой люди, оживляющие тряпичных кукол, становятся их частью, и их персона выражается в самом человеке. Они могут грустить и радоваться, оказывая мощное воздействие на человека. Открывая свою душу кукле, надо бояться того, чтобы она из ревности не навредила вам.

Есть куклы, которые стоят дороже машины. У каждой семьи должна быть любимая кукла или свадебная кукла родителей, как свадебная фотография. Создание куклы сравнимо с созданием художественного произведения. В нее вкладываешь титанический труд, мысль, душу и свою любовь. Кукла должна нести радость и добро в дом, это человеческие обереги, даже если они кикиморы и бабы-яги. Они могут скрасить одиночество и создать недостающий уют общения.

Он слушал ее внимательно и старался не перебивать, так как говорила она с увлеченностью. Порой она неожиданно могла рассмеяться и тут же становилась серьезной и задумчивой, будто что-то вспоминала.

– Вам это интересно? – спрашивала она. Он улыбался и говорил, что очень, что ее вновь вдохновляло, и она продолжала:

– Кукла с изображением любимого человека, пусть из глины, воска, с использованием его волос создает магию любви внутри того человека, которому она подарена. Если человек полюбил куклу, он с ней расстанется очень тяжело, тяжелей даже, чем с любимым человеком. Плохое обращение с куклой может привести к беде.

Первой игрушкой фараонов тоже были куклы, и они их одухотворяли. Чтобы кукла не могла от них убежать, ее избавляли от ног. Каждая знаменитость должна иметь массу кукол своего образа, чтоб у всех кумиров с ними был образ общения. Каждая такая кукла несет энергетику того человека, которого она представляет. Дарить куклы должно стать доброй традицией. Они способны оберегать людей от несчастий, как берегини, и сопутствовать творчеству.

Куклы как дар от кумиров можно даже разыгрывать в лотерее, создавая тем самым индустрию добра.

– Даже так? – удивился он. – А какая у тебя ныне желанная кукла-талисман?

Она не сразу ответила на этот вопрос, а сначала решила закончить рассказ о куклах и продолжила:

– У меня есть разные куклы: девочка-змея, девочка-бабочка, девочка-ежик, птица, солнце, ангел, песня и много других кукол из различных сказок и легенд мировой истории. Эти куклы передают мир человеческих переживаний, фантазий и образов. Всего у меня около семисот кукол. Однако если у меня был бы механик, я создавала бы механических кукол, подражающих людям. Представляете куклу в виде дремучей старушки с клюкой и вороном или попугаем на плече, которая будет гадать. Птица по вашему приказу сможет вытаскивать угольки или камешки из ее корзины, а разломив уголек, вы найдете себе пожелание и судьбу. Интересной могла быть и кукла «рабыня любви», если бы она и прикурить давала, и вина страсти из груди наливала, а за копеечку и ножки подымала, и попку показывала, и все женские прелести у нее светились бы при поглаживании.

Своему образу я бы сделала голубую куколку Барби, которая пела бы мои песни и писала стихи. Такие куклы привлекательны не только своим видом, но и своим поведением. Я даже научилась делать куклы заклятия. Они могут реализовывать проклятия и даже вершить рок.

Талисманом по моей жизни является кукла-дельфин и русалочка. Я даже брелок себе такой сделала, – она показала висевший на пышной груди образок, где дельфин и русалка, сросшиеся хвостами, подносили друг другу: один – цветы, другая – сердце.

– Именно нечто подобное этому я видел у тебя, когда мы ехали из Чечни, но тогда твоей мечтой, насколько помню, был образ Храма любви. Картинка его осталась. Я храню ее до сих пор как память о тебе и твоей мечте.

– Это, конечно, и сейчас не менее интересно, но так далеко и нереально. В сегодняшней жизни необходимо делать только то, что может приносить деньги, иначе умрешь, как бродячая собака, и никто не пожалеет.

Он по-прежнему не стал перебивать ее рассказ, думая, что не все, чем она хвастается, является реальностью, но выражал восхищение и продолжал потягивать разлитое по бокалам вино «Арбатское».

– Если, конечно, у меня было бы миллиардное состояние, я обязательно это осуществила, – продолжала она, видя, что его удивляет, – но так как его нет, я пытаюсь делать то, что позволяет мне не умереть с голоду. Даже несчастное производство тортов без денег организовать невозможно.

А была бы у меня кондитерская и выпускала бы я... Как думаете, что? Никогда не догадаетесь.

Представьте себе, приходите в магазин и видите эротические торты с сюжетами из древних преданий или куклы, одежду с которых можно снимать и съедать. А еще лучше, если эти куклы – известные личности из шоу-бизнеса и не только. Конечно, из любопытства вы купите как сюрприз и естественно разделете догола. Вот увидели вдруг перед собой обнаженную даму и груди, полные вина. Разве это не заманчиво? Надкусили их, и вас потянуло на подвиг. Естественно, вам захочется большего, и вы начнете искать то, что может быть ниже. Раскупорите или разрежете и достанете оттуда другую куклу или ложку нектара любви. Выпьете его – и любить захочется, хоть на стенку лезь. Разве это не бизнес был бы?

– Ну, ты хватила, – почесав голову, возразил он. – Фантазия фонтаном брызжет. Это могут посчитать не совсем здоровым увлечением, но в кафе любви, которое я бы хотел сделать, могло иметь смысл. Если же любимых героев лепить из шоколада, то я бы никогда не мог бы съесть ни Красную Шапочку, ни Гавроша с Дон Кихотом. Даже от поглощения Бабы-

яги с Кощеем Бессмертным удовольствия большого не получил бы, ведь эти злодеи тоже ни одного сказочного героя не съели.

Она отреагировала на его замечание ехидно, сказав, что его фантазии с мифической фирмой «Бабье дело» по своей дерзости ее фантазиям подметки оборвут и кошмарами замучают.

– Тогда в чем же дело, бери кредит и организуй фирму.

– Однако, я боюсь кредитов, да и под честное слово их никто не даст. Ведь я сейчас безработная, и пока приходится подрабатывать пением. Подаяния за песни в метро и электричках могут составить до трехсот рублей в день, а если заниматься регулярно, то это почти семьдесят тысяч в месяц. Хороший мужик ныне зарабатывает, где-то пять-десять. Приходится помогать и детдому, в котором выросла. У меня же там еле теплится хобби, о котором рассказывала, с мастерской по пошиву кукол.

– Надо это развивать, не умрешь с голоду.

– Слишком хлопотное дело для самой и требует мастерства и талантливых помощников, а таковых сейчас нет.

Несколько месяц назад я уволилась с постоянной работы, теперь безработная. Долго искала работу и разочаровалась. Хорошая работа в этом мире возможна только по протекции. Все рекламные компании, обещающие хороший заработок, в основном стараются тебя надуть и ограбить. Я обошла все маркетинговые, дисконтные и сетевые структуры. Они, как и в свое время ваучерные, квартирные и прочие структуры, ищут доверчивых людей или, проще, лохов, а русский народ доверчив в основной своей массе. Это хорошая кормушка для них. Как только государство лицензирует эту деятельность. Видно, его бюрократы тоже в доле участвуют. Государство не защищает нас от мошенников, а само требует, чтобы мы его защищали, вот народ и готов из него бежать. Я уже разуверилась во всем от того, что вижу, как-то там, то тут все стараются друг друга надуть.

Государственники бюджет режут, воруют и без откатов ничего не пропускают, душат на корню. Сейчас, если никого не надуешь, то быстро и не разбогатеешь.

– Что думаешь делать дальше, так и будешь продолжать петь и спонсоров искать?

– Не знаю. Я работала в одном закрытом городке государственной фирмы, куда даже из кремля заезжают, и обслуживала и в доме приемов, и его магазине, очень крупное начальство. Работала, как прокаженная. График – два дня работаешь, два дня отдыхаешь, но уважения к своему труду не чувствовала. Если исходить из норм обслуживания, то нас там должно было быть в два раза больше, так как в таком же заведении идентичного городка, где, видно, числились одни блатные, их было больше, чем нас. Похоже, у нас и там разные штатные расписания утверждали. Неизвестные люди и у нас числились, но фактически их не было, и мы за них работали, но деньги за этих «подснежников» получали не мы, а начальство.

– Похоже, ты по натуре непримиримый тип, а таким всегда и везде нелегко, – со снисходительной усмешкой молвил он. – Как у Христа за пазухой не проживешь. Да и я, наверно, такой же, – признался он и, чтобы не акцентировать ее внимание на этом, добавил: – Там, наверно, постоянные банкеты приходилось обслуживать?

– Бывали банкеты, они за полночь продолжались, и утром отсыпались, а мы, как рабы, к десяти часам снова на работе. Им плевать, выпались мы или нет, не хочешь – увольняйся, выжмут как лимон и других примут. Даже ревизии нам устраивали в ночное время, чтобы утром мы уже работали. От такой нагрузки и переутомления у нас один водитель за рулем уснул, въехав в витрину магазина. Убытки страшные, а они на этом списали еще больше. Сначала нас по медицинской части в их закрытой поликлинике обслуживали, а потом, как чернь, исключили из списков этих услуг. Пожаловаться нынче некому. Профсоюзов нет, или они так же своим бизнесом занимаются. Заставили даже санитарные книжки оформлять за свой счет. Вот и приходилось платить, но компенсировать наши затраты они не собирались – все, видно, карманы себе набивали.

У них все посреднические фирмы прикарманены были и спокойно перепродавали государственное добро, вроде газа. Миллиарды меж собой только делили, те, что на руки от народных государственных фирм налипают, горбатить нас заставляли, а платить нормально не хотели. Почему государство посредническую деятельность не запрещает и Госбиржу товаров не организует, где спекуляция была бы запрещена, чтобы народ не обдирать?

Он не стал отвечать на этот почти риторический вопрос, да и вопрос был, скорее, не к нему, а к самой себе. Она, видимо, тоже не ждала ответа и продолжала:

– Не понимала я этого, да и сейчас не понимаю, но чувствую, что-то у нас не так. Нет действенного народного контроля, не подчиненного действующей власти, хотя бы наподобие профсоюзов или церкви, хотя и они не обделены личной наживой и могут хапнуть. А вот власти, которая не имела никакой своей собственности, кроме мундирской чести, в мире нет.

Только я думаю, когда-нибудь такая народная власть будет. У меня даже марш написан для народа, который отстранен от влияния на власть. Он так и называется: «Марш отстраненных». Я имею в виду отстраненных от влияния на власть, чтобы не прибегать к бунтам. Она взяла гитару и тихо стала напевать:

Эх, да беда, беда, беда,
Мы отстраненная толпа.
И доньне власть всегда
С наживой только в ногу шла.
Левой, левой, левой!
Контролем мы станем над властью этой.
Левой, левой, левой!
Пошире походкой смелой.
Пусть не идет с нами вражда
И тяжелая судьба.
Вставай, вставай, вставай, народ,
На крестный ход, на крестный ход,
Вперед, вперед, вперед, вперед!
За волю народа, где счастье нас ждет.
За радость жизни бытия,
Чтоб власть слугой людей была.
Левой, левой, левой!
Контролем мы станем над властью этой.
Левой, левой, левой!
Пошире походкой смелой.
Пока лишь это всех мечта,
Которой свершения ищет земля.
Нынче мы только черная пыль,
И диктатура наживы есть быть.
Вырвем же, вырвем из пасти всевластья
Нужный огонь любви и счастья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.